

Е. Поселянин. Богоматерь. Описание Ее земной жизни и чудотворных икон

Приводится по изданию: Богоматерь. Описание Ее земной жизни и чудотворных икон., Е. Поселянин М: АНО «Православный журнал «Отдых христианина», 2002 г.

Содержание

Предисловие

Глава 1. Рождество. Детство, юность, обручение

Глава 2. Благовещение. Праведная Елисавета. Иосиф Обручник

Глава 3. Рождество Христово. Сретение. Бегство в Египет

Глава 4. Назарет. Детские и отроческие годы Христа

Глава 5. Выступление Христа на проповеди, страдания Его

Глава 6. Жизнь Богоматери по Вознесении Христовом

Глава 7. Успение Богоматери

Глава 8. Почитание Богоматери

Глава 9. Следы Богоматери на земле

Предисловие

Восемнадцать с лишком веков от того дня, когда Дева Мария на руках Своего Сына была вознесена к великому Престолу и после жизни несказанной скорби, мук и унижений была коронована на чудное царство небес, — эти восемнадцать веков бессильны были умалить восторг человечества пред тихой святыней Девы Марии.

В немногих дошедших до нас отзывах Ее современников слышно безграничное восхищение сердца, слышны чувства, превышающие всякие слова, не умеющие найти достаточных выражений.

Дионисий Ареопагит, нарочно приезжавший в Иерусалим из Афин, чтоб видеть Богоматерь, писал своему учителю апостолу Павлу:

«Свидетельствуюсь Богом, что, кроме Самого Бога, нет ничего во вселенной, в такой мере исполненного Божественной силы и благодати. Никто из людей не может постигнуть своим умом то, что я видел. Исповедую пред Богом: когда я Иоанном, сияющим среди апостолов, как солнце на небе, был приведен пред лицо

Пресвятой Девы, я пережил невыразимое чувство. Предо мною заблестало какое-то Божественное сияние. Оно озарило мой дух. Я чувствовал благоухание неописуемых ароматов и был полон такого восторга, что ни тело мое немощное, ни дух не могли перенести этих знамений и начатков вечного блаженства и небесной славы. От Ее благодати изнемогло мое сердце, изнемог мой дух. Если б у меня не были в памяти твои наставления, я бы счел Ее истинным Богом. Нельзя себе и представить большего блаженства, чем то, которое я тогда ощутил».

Обращаемые к вере апостолами, с проповедью обходившими вселенную, новые христиане стремились видеть Богоматерь, Которая одним Своим видом свидетельствовала о том, что Родившийся от Нее был воплотившийся Бог. Игнатий Богоносец, архиепископ Антиохийский, бывший, по преданию, тем самым отроком, которого взял на руки Христос, говоря: «Если не обратитесь и не будете, как дети, не можете войти в Царствие Небесное», — говорит в письме к Иоанну Богослову:

«Много жен у нас только о том и думают, как бы проехать к вам, чтоб видеть Матерь Иисусову. Достойные доверия люди поведали нам, что в Ней, по Ее великой святине, человеческое естество кажется соединенным с ангельским. И все такие слухи возбудили в нас безмерное желание видеть это небесное чудо...»

Но разве с тех пор, как Богоматерь призвана была в небо, уменьшилось стремление к Ней сердец человеческих? Только не нужно теперь плыть из Антиохии в Иерусалим, чтоб войти в общение с Ней. Пред успением Своим Богоматерь говорила плакавшим пред Ней христианам, что теперь Ей будет легче помогать людям, всегда видя Сына Своего. Она обещала посещать весь мир и заботиться о нем.

И как чудно сбылось это обещание! Тот, кто однажды доверил Ей свою жизнь, приобрел в Ней неизменную Заступницу.

Если жизнь человеческая представляется страшным полем, где в безумной борьбе между собой валяются люди, где гибнут мечты, надежды, где звучат нескончаемые вопли и стоны, то над этим житейским адом царит одно отрадное видение. Чудная Дева Небесная с безграничной скорбью и любовью во взоре, с ланитами, по которым стекают жемчужины слез, стоит над этим морем людского страдания, спускаясь туда, где оно особенно ожесточилось. Не в силах Она изменить лица земли, водворить рай на месте земной каторги. Но, прикикая к исстрадавшейся, обезумевшей, отчаявшейся душе человеческой, как склонялась некогда над Своим

Божественным Младенцем, Она шепчет душе верную весть о лучших днях... Как мать, Она знает подходы к сердцу человеческому, и под Ее безмолвную речь ослабевшая, одряхлевшая вера становится живым видением и ясным предчувствием.

Ужасы жизни меркнут пред сиянием дивных картин, навеваемых на душу Ее благодатной силой. Вместо земного раздора и земных уродств восхищенному взору открываются райские дали, сонмы светлых небожителей, сверкание лучей славы Божьего Престола...

Слава, слава Деве Марии!

Она была таинственной лестницей, по которой соскучившееся и стосковавшееся на земле человечество восходило на небо. Она была связью между Богом и людьми: благоволением Бога к людям, дерзновением людей к Богу...

Какие символы, какие предания!..

Вот Андрей юродивый, молясь в храме, полном народа, возводит глаза к небу и видит, как Богородица, стоя над народом в воздухе, осеняет народ Своим омофором, молясь за него...

«Мы, благоверные люди, радостно празднуем, осеняемые Твоим, Богородица, пришествием... Покрой нас честным Твоим омофором!»

Того же блаженного Андрея ангел водит по райским селениям, показывает ему разных святых и их светлые обители, и не видит Андрей Той, Кого больше всего хочется ему видеть, Кого больше всего ищут его глаза. И спрашивает Андрей своего путеводителя, где же Пречистая Богородица.

— Ее нет здесь, — отвечает ангел. — Она отошла в многоскорбный мир помогать бедствующим и утешать печальных.

Как хорошо понял значение успения Ее знаменитый Иннокентий Херсонский, когда, составляя акафист этому празднику, он вдохновенно воскликнул: «Радуйся, Обрадованная, во успении Своем нас не оставляющая!»

Дышавший детской верой, любимый и чтимый народом старец Варнава, основатель Иверского Выксунского монастыря, рассказывал как-то с восхищением о красоте своей обители:

«Наш монастырь — что с неба спущенный... Вот, как приезжает к нам на праздник архиерей, встречаем его наруже, перед захлопнутыми святыми воротами, а там внутри от ворот до собора стоят монахи с цветами в руках. Начинаем служить молебен, и как в акафисте дойдем до припева: «Радуйся, благая Вратарнице, двери райския верным отверзающая», — святые ворота вдруг распахиваются настежь, — и все вместе с архиереем входим внутрь». Не так ли тысячелетиями стояло человечество перед заключенными дверями рая, пока Пречистая Дева не повела его за Собой, устлая терния пути цветами Своей благодати...

Время лишь усиливало почитание Пресвятой Девы. На прежние Ее милости и чудеса ложатся наслоения новых милостей и чудес, и бережно одно поколение передает другому те же чувства к Ней, то же сознание, что в трудную минуту есть, Кого позвать в высоком и далеком небе, чтобы оно стало доступным и близким.

Иногда мы не смеем обращаться к Богу. Наша греховность кажется нам страшной стеной между Ним и нами. А если душа наша истерзана неутешным страданием, нам близко чувство ропота, вера наша колеблется, и мы не можем, не смеем молиться Ему так, как молимся в минуты умиления, в часы спокойной, сознательной веры.

И вот в эти дни сомнения, тоски и горя мы находим благую Утешительницу в Матери Божьей.

Ее мы не боимся! Мы знаем, что Ее тихая святыня не отвернется от нас, в каких бы язвах, из каких бы позорных пропастей греха мы к Ней ни пришли.

Мы не видали Ее. Но мы знаем и чувствуем безошибочным внутренним чувством, что часто-часто задумчивый и заботливый взор чудной Матери-Девы останавливается на нас.

Сложны чувства верующего христианина к Матери Божией: жгучее сострадание к Той смиренной Деве Назарета, Которая от дней рождения Христа жила под страшным пророчеством ожидавшей Ее муки: «Тебе оружие пройдет душу»; ужас перед той вершиной страдания, до которой возведена была Ее душа на Голгофе; какая-то нежданная радость при воспоминании о слове, которым Христос с высоты креста в лице Иоанна усыновлял Ей каждого из нас: «Жено, се сын Твой!..» «Се Мати твоя», — и умиленный восторг при мысли о силе и власти сияющей вечной Царицы Небес...

Она была человеком, родившимся, как мы, в условиях земного

ограничения; но как высоко вознесла Ее благодать!

Почитание Богоматери является одной из отраднейших сторон христианства и угаснет только тогда, когда будет вытравлена в душе человеческой жажда материнской любви, материнской ласки и заботы.

Мы нуждаемся в сердце всепрощающем, любящем нас не за то, что мы хороши или приятны, а за то, что мы существуем, что оно нас в себя вместило раз навсегда и уже не может от нас отказаться, как река не может не течь и звезда не может не сиять.

Человечество поняло, испытало на себе эту материнскую черту всеобъемлющего, безграничного сердца Марии, Матери Божией. В этом сердце оно нашло надежнейшее убежище от горя земного, и чудные связи связали страдающее, рвущееся к небу, но прикованное к земле со светлыми порывами и неисчислимыми падениями человечество с Непорочной Девой Марией.

К Ее лику, смотрящему с улыбкой улады или тихой грустью на приходящих к Ней, бегут малые дети, шепча свои несложные желания, доверяя свои заботы и делишки. Женское сердце, переполненное счастьем разделенной любви или страдающее мукой любви, — к Ней же, не знавшей иной любви, как поклонение Своему Иисусу, несет свою радость и печаль, Ей рассказывает свои надежды и мечты. Строгий затворник, уединясь от людей в подземной пещере, куда никогда не проникает свет солнца, ставит у себя Ее икону с неугасимой лампадой, и Пречистая Дева Мария одна заменяет ему все те радости и утехи, которых он себя добровольно лишил.

Итальянский разбойник, идя на свое страшное дело, склоняет колени и преступную голову перед Ее статуей и тем как будто говорит: «В моей незаконной жизни есть одна святыня и луч, который не померкнет для меня и тогда, как я посягаю на жизнь людей... Ты свет погибшей души моей, и во аде я буду славить Тебя, Пресвятая, Пречистая Дева Мария».

Магометане, язычники знают о любви и вере христиан к таинственной Деве, и, когда Царица Небес встала на защиту Своих детей, они не пытались бороться с Ней, зная, что сила Пресвятой Девы Марии необорима.

Подумайте о красоте, о всем значении того, что происходит вот уж девятнадцать веков между небом и землей. Не было за эти два тысячелетия ни одной минуты, в которую бы не несли с земли зов души человеческой к Матери Божией.

Не страхом, не угрозами, а любовью и безграничным милосердием ведет людей ко Христу Богоматерь. Она жалеет человечество каким-то жгучим, всепрощающим состраданием. Она принимает на Свои руки людей, которым, по-видимому, уже нет возврата к благой жизни.

Одному афонскому монастырю угрожали разбойники, и воля Божия была в том, чтоб иноки были наказаны разрушением обители за их нерадивую жизнь. Тогда одному инок, молившемуся пред иконой Богоматери, был слышен от этой иконы голос, предупреждавший об опасности. Младенец Христос хотел заградить Своей ручкой уста Приснодевы, но Богоматерь со сладостной улыбкой отводила эту руку от Своих уст, — и обитель была спасена. Вот верный и трогательный символ этой чудной, продолжающейся в веках борьбы Божественного правосудия и ничем не истощимого, никогда еще не побежденного милосердия Пречистой Девы.

В именах прославляемых икон Богоматери благодарное человечество отразило свои чувства к Теплой Заступнице мира холодного.

То радость весны, ибо Дева была, действительно, весной для человечества, то похвала милующей любви Ее, — вот что звучит во многих из этих имен: «Благодатное Небо», «Благоуханный цвет», «Взыграние», «Взыскание погибших», «Воспитание», «Всех скорбящих Радость», «Милующая», «Живоносный Источник», «Избавительница», «Милостивая», «Млекопитательница», «Нечаянная Радость», «Услышательница», «Неувядаемый Цвет», «Призри на смирение», «Скоропослушница», «Сладкое Лобзание», «Спасительница утопающих», «Споручница грешных», «Умиление», «Утоли моя печали», «Целительница», «Утешение в скорбях и печалях».

Если б мы на земле жили жизнью бесплотных, мы бы не имели нужды ни в чем внешнем, и чувства наши не нуждались бы во внешнем выражении.

Но человек не есть дух. Он — дух, облеченный в плоть. Он окружен видимыми, осязаемыми вещами, а внутренняя жизнь его выливается во внешних действиях, и чувства его невольно выражаются внешним образом.

Он любит — и ему надо видеть любимое существо, смотреть в любимые глаза, слушать любимый голос. А в разлуке он жаждет видеть изображение любимого человека, вглядываться в черты его на портрете, который он как бы оживляет силой

своей привязанности и своего воображения.

Вот это свойство души — возноситься мыслью и сердцем к любимым существам, смотря на их изображения, — и дало повод к возникновению почитания икон.

Забота Богоматери о роде людском избрала иконы как средство постоянного и близкого общения Ее с людьми.

Величайшее утешение и отрада для современных Ей христиан, Богоматерь знала, как пусто и холодно будет людям без Нее по уходе Ее из мира.

И вот Она решилась в изображениях лика Своего оставить христианам залог Своего непрекращающегося общения с ними. Святая Дева дала списать с Себя апостолу Луке, искусному живописцу, несколько изображений Своих и обещала, что с этими изображениями-иконами Ее пребудет всегда Ее благодать.

Люди искали новыми и новыми изображениями выразить переполнявшее их к Пречистой Деве чувство восторга и любви. Лучшие художники на своих полотнах старались в красках выразить слагавшуюся в их душе мечту о Пречистой Деве. В тихих кельях монахи-иконописцы изображали на темных досках в несовершенном по живописи, но дышащем верой и умилением образе лик Пречистой.

Однообразен темный цвет,
И дремлет краска вековая;
Но в этом греческом письме,
Но в этой простоте старинной
Есть тайна, внятная душе,
С приветом для мольбы невинной!..
Родное что-то говорит
В чертах, по-видимому, хладных;
Святая милость их манит
Призвание песней безотрадных;
На сердце, сжатое тоской,
Они наводят умиление,
Они шлют горестям покой
И укрощают дум волнение.

В иконах Богоматери верующие люди, их писавшие, отразили Пречистую Деву в разные минуты духовной Ее жизни.

Вот Она с тоской взирает на крест Своего Сына (Ахтырская).
Вот прижимает нежно обеими руками к щеке головку
Младенца (Касперовская). Вот, держа правой рукой Младенца,

левую в скорби прижимает к голове — обычный жест тяжело страдающих людей («Утоли моя печали»). Вот крепко-крепко обхватила и держит обеими руками протянувшего у Ней на груди Свои руки Младенца, точно боясь, что Его отнимут от Нее, — как готова Она принять на руки и держать в материнских объятиях всякого человека, которому грозят волны мира («Взыскание погибших»). Вот показывает Она сидящему у Ней на коленях, одетому в рубашечку Христу небольшой крест, за который Он схватился ручонкой; а около, на столе, стоит чаша, таинственная чаша, которую Он должен испить (Козельщанская). Вот держит царственно сидящего у Ней на руке, как на престоле, Младенца, Который благословляет, как Бог, правой ручкой, и Сама с царственным видом дает людям благословение (Смоленская). Вот склонилась к Сыну головой и держит в левой руке ветку расцветших цветов («Неувядаемый Цвет»). Вот держит от рук к плечу, обхватывая в то же время Младенца, лестницу, как знамение того, что Она служит связью между землей и небом (Путивльская). Вот восседает на троне в одежде царицы, и на коленях Ее, тоже как на троне, никем уже не поддерживаемый, Младенец. Он положил ручки Свои на головы коленопреклоненных начальников русского монашества, преподобных Антония и Феодосия, а Сама Она опустила Свои руки на их рамена (Печерская). Вот со скорбным лицом держит свободно лежащие в Ее руке обе ручки Младенца, точно скорбит о предстоящей Его участи, но уже согласна отдать Его в жертву (Страстная). Вот покорно поникнула головой, поддерживая руками семь стрел, пронзивших Ее сердце (Семистрельная). Вот печальная прильнула головой к головке Иисуса, ласкает щеки Его перстами, и так оба замерли — Пречистая Мать и Божественный Сын — в предчувствии грядущих мук (Петровская). Вот сияет среди огненной звезды («Купина Неопалимая») — прообраз Ее девства, не нарушенного и Рождеством Христа. Вот распростерла омофор над молящимися в храме (Покров). Вот с грустью принимает ласку Младенца (Яхромская). Вот стоит в воздухе над сонмом бедствующих, разослав ангелов одеть нагих, напитать голодных, поднять больных («Всех Скорбящих Радость»). Вот, подняв руки к небу, являет на лоне Божественного Младенца («Знамение»). Вот, сложив руки, в великолепном царском одеянии, поникла главой, внимает тайнам, святым тайнам, совершающимся в Ее безмолвной душе (Остробрамская).

Все это, в разные минуты благословенной Ее жизни, попытка проникнуть в духовную жизнь Непорочной Девы. И с этой стороны иконы Богоматери — как бы оставшиеся запечатленными шагами Ее на нашей земле, никогда не разлучающаяся с нами память Ее постоянных дум о нас, Ее невидимого присутствия среди нас.

Е. Поселянин

Глава 1. Рождество. Детство. Юность. Обручение

При первом великом несчастье рода человеческого Богоматерь уже сияет людям отрадным лучом.

Когда дух-искуситель соблазнил первого человека и вывел его из повиновения Божеству, Бог произнес искусителю следующее таинственное пророчество: «Вражду положу между тобою и между женой и между потомством твоим и потомством ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту».

Вот это таинственное слово: «Семя жены сотрет главу змия» — явилось единственным утешением в тот страшный час, когда человечество изгнано было из рая, и звучало единственной надеждой и отрадой в те пять тысячелетий, которые человечество томилось в отвержении от Бога, среди земных мук, чтобы после них отходить в унылое царство теней.

Люди, остававшиеся верными Единому Богу, жили смутной надеждой на то, что явится некогда чудный Сын таинственной Девы, Избавитель-Мессия, и наполнит пропасть, отделившую человека от Бога, и вернет людям достоинство «детей Божих», вернет утраченное блаженство.

Среди песен, слов и похвал, которые умиленная церковь сложила в честь Пресвятой Девы, есть два знаменательных обращения к Ней. Это два восклицания из акафистов Богоматери — общего и акафиста Иверской иконе.

«Радуйся, райских дверей отверзение!»
«Радуйся, благая Вратарнице, двери райския верным отверзающая!»

Глубокие, чудные слова... Великолепный, правдивый символ!

Пусть двери рая заключены, охраняемы архангелом с огненным мечом... Там, за далью многих десятков веков, маячит лучезарный, спасительный образ. Непорочная Дева Матерь после неимоверного страдания, приняв в человеческую душу Свою крестную муку сладчайшего Своего Иисуса и в этот час выстрадав право на материнство всего усыновленного Ей с креста человечества, — подойдет к этим заключенным дверям; и дрогнет защищающая их рука архангела пред Матерью Бога, и отступит он от заветных заключенных дверей, и тихо подойдет к ним Дева, и тихо распахнет их пред Ею

усыновленным и Ею выстрадавшим человечеством.

«Радуйся, благая Вратарнице, двери райския верным отверзающая!»

На пространстве ветхозаветных веков, один за другим, являлись пророки, предвозвещавшие о таинственной Деве, и, бросив такой луч надежды страдающему человечеству, сами отходили в безотрадное царство теней. Не останавливаясь на этих пророчествах, вспомним о тех внешних, живых прообразах, в каких Бог обетовал о Пречистой Деве Матери.

Тот корабль, в котором Ной спасся от потопления, носясь в нем невредимо по разбушевавшейся стихии, изображал Пресвятую Деву. Долговременное построение ковчега говорило о долгом приготовлении рода человеческого к рождению Богоматери. Корабль был устроен из негниющего дерева, подобно тому как и Дева Мария и в материнстве пребыла неистленна: «в рождестве девство сохранила». Как ковчег укрыл от гибели Ноя с семьей, так спасутся все, которые доверяют себя заступничеству и покрову Богоматери... И голубица, выпущенная Ноем из ковчега по спаде воде и вернувшаяся с масляничной веткой, опять знаменует собою Пречистую Деву, как величайший момент милосердия, когда спал с человечества гнев Божий, удовлетворенный кровию Сына.

«Лествица», которую видел со сне Иаков, знаменовала собою Ту, Которая явилась связью между умиловившимся небом и прощенной землей, Которая была как бы землей, на небеса вознесшеюся, и небом, к земле приникшим, Которая имела в Себе все человеческое, кроме греха, и все небесное, кроме Божественной сущности, Которая возвысилась до облагодатствованного состояния первого богоподобного человека, даже отдаленной мыслью не познавшего в себе зла, и поэтому беспрепятственным порывом могла взойти к небу, куда повела с Собой и никогда Ею не забытый род людской.

«Купина» (куст), которую увидел Моисей, горящую жарким огнем и не сгорающую, — была тоже прообразом Девы, возвысившейся до непостижимой святости и в материнстве пребывающей Девой.

Огненный столп, который вел израильтян по пустыне, был прообразом Той, Которой церковь восклицает теперь: «Радуйся, огненный столпе, наставляяй сущия во тьме; радуйся, покрове миру, ширший облака...» Церковь назвала ее Одигитрией, то есть путеводительницей.

Святитель Димитрий Ростовский, чья пламенная душа

расширялась великим усердием к Пресвятой Деве, пишет: «Мы не отчаиваемся в Божием милосердии, ибо в жизни нашей есть у нас премилостивая Одигитрия, благая Наставница, Пречистая Дева, данная нам от Бога, как столп израильтянам, к обетованной земле ведущий. Она — божественный огонь, просвещающий тех, кто ходит во тьме. Она облако, носившее Бога и изливающее нам дождь Божьей благодати. Она — столп, утверждающий ратующую на земле церковь и защищающий ее от врагов видимых и невидимых».

Ветхозаветный храм Соломонов, сам по себе и всем тем, что в нем вмещалось, служил прообразом Пречистой Девы. Скиния Моисея и «Святая святых», и «кивот завета», и «трапеза», и «светильник», и «кадильница» — все в этом храме было прообразом таинственной Девы.

А теперь, в наши новозаветные дни, сколько раз во внешней природе верующее сердце увидит и почувствует символы Матери Божией!

И плещущие воды половодья, омывающие прибрежные луга, обеспечивая богатый сбор покоса, и тихо-торжественно разгорающаяся на горизонте заря, и звезда, утренняя провозвестница солнца, — все это символы Той, Которая обняла, обхватила Собой всю жизнь человеческую.

Появление Девы Марии исподволь готовилось Божественным Промыслом. Последовательно в длинной цепи поколений возвышалось благородство, утончались чувства, все духовно совершеннее становилась природа, пока, наконец, благословенная чета, Иоаким и Анна, явились той благодатной почвой, на которой мог появиться такой чудный восход, как Пресвятая Дева Мария.

В трех днях пути от Иерусалима лежал ничтожный городок Назарет, где жили Иоаким и Анна, которых мы представляем себе теперь не иначе, как с усвоенным им церковью именем «Богоотцов». Происходили они из царственного рода Давида, потомки которого в то время смешались в общем множестве народа, ничем от других не отличаясь. Они жили безбедно, и Иоаким владел многочисленными стадами. Отличительной чертой их характера было милосердие к бедным. На себя они тратили только одну треть со своих доходов, другую жертвовали в храм, а третью раздавали бедным. Больше ничего не известно об их жизни, но то самое, что от них произошло Пресвятая Дева, должно было доказывать, что они праведностью своею превзошли всех ранее живших людей, были той высшей точкой, до которой могла только достичь жизнь людей в Ветхом Завете. Однако горе, неисходное, ежедневное, постоянно грызущее

горе омрачало жизнь этих добрых людей. У них не было детей, а у израильтян это считалось позорным, потому что бездетные люди лишались надежды иметь Мессию своим потомком.

В один из великих праздников Иоаким пришел со своими соплеменниками в иерусалимский храм для приношения жертвы Богу. Но здесь случился человек, который стал говорить уничижительно о его бездетном браке. Тут, в храме, к которому так лежала душа праведного Иоакима, пред жертвой, которую он намеревался с такой любовью принести, его проняло жуткое чувство своего недостойнства. В глубокой скорби вышел он из храма, повторяя: «Для всех сейчас великий праздник, а для меня день слез». Он утешал себя тем, что, быть может, пример его не единственный, и, в надежде найти благочестивого бесчадного мужа, он из храма пошел осматривать родословные таблицы двенадцати колен. Но таблицы сказали ему, что все благочестивые люди имели потомство и даже у столетнего Авраама был сын. Иоаким был до того опечален, что не пожелал вернуться домой, а отправился в пустыню, где в горах паслись его овцы. Сердце его было полно глубокой скорби. Чем он был хуже других людей? Разве он не стремился исполнить закон? За что же такая судьба и такое поношение? Сорок дней он провел в пустыне, решившись не возвращаться домой, пока Бог Израилев не посетит его Своею милостью. И он молился о чуде, молился о том, чтобы Бог помог ему стать отцом, как некогда стал отцом в глубокой старости Авраам.

Весть о печальном событии в Иерусалиме дошла в Назарет до Анны. Она тосковала еще более, чем ее муж, считая себя причиной всего происшедшего, и, как муж ее, горячо молила Бога, чтобы он разрешил ее неплодие.

Как-то, копаясь в саду, она увидела среди ветвей лаврового дерева гнездо едва оперившихся птичек, и вид этого счастливого, полного жизни гнезда поверг ее в еще большее уныние. «Одна я, — говорила она, — мертва и безжизненна. Вся природа прославляет Тебя своими плодами. Все радуются о детях своих, я одна бесчадна, как степь безводная... Господи, Господи! Ты даровал Сарре сына в старости; услыши же и меня, и я принесу рожденное от меня в дар Тебе, и да благословится в нем Твое милосердие!»

Всю душу свою вложила Анна в эту молитву. И, едва кончила она ее, как предстал пред ней ангел Божий и сказал: «Твоя молитва услышана: вопли твои прошли через облака, слезы твои упали пред престолом Господа. Ты родишь Дочь благословенную, высшую всех дочерей земных. Ради Нее благословятся все роды земные. Через Нее дастся спасение

всему миру, и наречется Она Марией». Анна тут же дала обещание: если у нее будет дитя, отдать его на служение Богу, и, прежде чем поделиться радостью с мужем, отправилась в иерусалимский храм, чтобы благодарить Бога и повторить там свой обет.

Между тем, ангел явился и Иоакиму в пустыне и сказал ему: «Бог услышал твою молитву, у жены твоей Анны родится Дочь и станет вашей общей радостью. В знак верности моих слов иди в Иерусалим. Там у Золотых ворот ты найдешь твою жену, которой я уже возвестил эту радость».

Счастливые супруги встретились в Иерусалиме, рассказали друг другу о явлении ангела и вместе принесли в храме жертву.

9 декабря православная церковь празднует Зачатие Пресвятой Девы Анной, а через 9 месяцев после этого дня, 8 сентября, Пречистая Дева родилась на свет.

Хотя Иоаким и Анна не выделялись внешним значением своим, Пресвятая Дева имела за Собой длинный ряд предков, восходивший в отдаленные века, и среди них были имена патриархов, первосвященников и царей иудейских.

Существует предание, что по исполнении Марии шестимесячного возраста Анна поставила Ее на землю, чтобы посмотреть, может ли Она стоять. Дитя сделало семь шагов, потом пошло обратно в руки матери. Анна решила, что Дочь ее не будет ходить по земле, пока она Ее не введет в храм Господень. Когда Марии исполнился год, отец Ее сделал пир, на который собрал священников, старейшин и много народа и подносил Марию под благословение священников и первосвященников. Анна же радостно прославляла Бога, что Он разрешил ее неплодие и «отъял поношение врагов ее».

Еще через год Иоаким думал исполнить над Марией обет посвящения Ее Богу, но Анна, боясь, что в храме дитя соскучится по дому, и желая по материнской нежности дольше удержать Ее при себе, уговорила мужа отсрочить на один год его намерение.

Всего трех лет от роду Пресвятая Дева была введена во храм иерусалимский. При храме в то время проживали мужи и жены — из вдов и девиц, ведущие чистый, благочестивый образ жизни. Это был как бы первообраз будущих христианских иноков.

Пресвятая Дева только еще недавно научилась говорить, но уже вся Ее душа влеклась к Богу. Сердце Ее было охвачено пламенем чистейшей любви Божественной. Жизнь среди людей

этому удивительному ребенку с созревшей душой не казалась привлекательной. И Она Сама напомнила родителям об исполнении их обета. Печаль от разлуки с Дочерью боролась в душе Анны с радостью вручить Богу тот дар, который она от Бога получила...

Торжественным шествием приближалась Анна с малюткой ко храму. В руках девочек, сопровождавших Марию, и в руках других присутствующих горели свечи. Подробности об этом событии — надо полагать — сохранились в христианстве чрез апостола Иоанна Богослова, который мог слышать о них рассказы из уст Самой Богоматери в те годы, когда имел о Ней попечение.

Навстречу Иоакиму и Анне вышли с пением из храма священники и первосвященник. Анна поставила младенца Марию на первую ступень крыльца храма, которое имело всего пятнадцать высоких ступеней... И совершилось великое знамение. Никем не ведомая, никем не поддерживаемая, Дева легко и прямо взошла на вершину крыльца. Ангелы Божии, конечно, спустились тогда с неба и незаметно вознесли Богоматерь по высоким ступеням. Все были изумлены. А первосвященник, силой таинственного вдохновения, не остановился на том месте, дальше которого не ходил обыкновенно молящийся народ. Он повел за собой Марию в сокровенную глубину храма, во «Святое Святых». А туда не позволялось ходить не только никому из женщин, но не вступали туда даже и священники, и лишь первосвященник однажды в год входил туда, неся с собою жертвенную кровь. Были поражены этим необыкновенным событием не только все присутствовавшие люди, но и ангелы, которые тогда еще не знали будущего Марии.

«Святое Святых» стало местом постоянных молитв Марии. Другие девы не имели права и приблизиться к этому святилищу, а Мария всегда могла входить сюда. Так как там уже не было ветхого ковчега завета, как бы в знамение того, что времена этого завета миновали, то Святая Дева являлась Сама новым «одушевленным Божиим кивотом».

Принеся благодарственную жертву, Иоаким и Анна вернулись домой. Жизнь их, хотя и одинокая, не была уже больше омрачена поношением, никто не упрекал их больше за бесплодие. А Мария тихо росла в Иеусалиме, в обществе сверстниц, так же, как Она, живших при храме. При детях находились благочестивые надзирательницы; они учили своих питомиц рукоделиям и Священному Писанию. Здесь научилась Пресвятая Дева тем ручным работам, которыми усердно занималась всю жизнь до конца Своих дней. Для молитвы,

оставив работу, Она уходила во «Святое Святых». Уединение стало необходимым для Нее состоянием. Здесь Ее возвышенный разум весь отдавался Богопознанию. С каждым днем как-то больше и глубже вдумывалась Она в величие Бога, и душа Ее все более и более отражала чудные свойства Божества.

Какая-то благоговейная тихость отмечала Ее поведение. Ни одного беспокойного слова не сорвалось с Ее всегда кротких уст. Речь Ее была приятна, и чувствовалась в этой речи высочайшая истина.

Ежедневно с раннего утра Она молилась до третьего часа (по нашему счету до 9 утра), затем шесть часов проводила за рукоделием или за чтением Священного Писания. С девятого же часа (с 3 часов дня) опять начинала молитву и молилась, пока ангел, служивший Ей, не приносил Ей пищу. Ум у Нее был восприимчивый, острый, глубокий. Она много думала и очень мало говорила. Пряжа льна и шерсти была самым обычным Ее рукоделием. Часто вышивала Она шелками, особенно облачения священнические.

Посещение ангелами Девы Марии не укрылось однажды от первосвященника Захарии, который был изумлен и самым этим явлением, и тем, что ангел принес Деве вещественную пищу. И стал думать первосвященник, не есть ли Дева Мария та таинственная, пророками предвозвещенная Дева, от Которой родится Мессия.

Живя во храме, Пресвятая Дева лишилась родителей. Сперва умер 80-летний Иоаким, а вслед за ним и Анна. Так в нежном возрасте обречена была испытать горькое сиротство Та, Которая впоследствии должна была исцелять сиротство всех одиноких, покинутых людей, стать Матерью, Утешительницей и Заступницей всех безматерних сирот.

Конечно, сознание Своей беспомощности, Своего одиночества среди людей должно было еще сильнее обратить сердце Марии к Богу, в Котором было теперь заключено все Ее счастье и вся Ее судьба.

Мысль о браке, о земной любви должна была казаться невозможной для Пренепорочной Девы — этого невиданного дотоле на земле воплощения духовности и чистоты. Между тем Деве надлежало стать матерью. Божественный Промысл должен был измыслить такую обстановку жизни Пресвятой Девы, в которой бы девство Ее оставалось ненарушенным и в то же время рождение от Нее Христа казалось бы евреям делом естественным.

По истечении четырнадцати лет пребывания Марии во храме первосвященники объявили Ей, что, по обычаю, Ей надо оставить храм и выйти замуж. Пресвятая Дева им ответила, что Она от рождения посвящена Богу и желает всю Свою жизнь соблюсти девство. Удивились Ее ответу, так как намерение это было необычайно и ново для израильской девушки. С одной стороны, они не смели позволить Марии по достижении совершеннолетия оставаться при храме, с другой — не решались и силой принудить Ее к браку. А третьего решения вопроса не было. Мучимые неизвестностью, как быть, они, наконец, стали просить у Бога, чтоб Он непосредственно объявил им Свою волю. После общей молитвы священников первосвященник, одевшись в свои священные одежды, вошел за завесу и там увидел ангела Господня. Ангел сказал первосвященнику: «Захария, собери неженатых мужей колена Иудова, из дома Давидова, пусть они принесут с собой свои посохи. И кому Господь покажет знамение, тому ты и вручишь Деву, чтоб он стал хранителем Ее девства».

Захария тогда нарядил гонцов по всем сторонам израильской земли, чтоб созвать мужей в Иерусалим. Приблизился между тем праздник Обновления Храма, на который собралось множество народа и также мужи из рода Давидова, о которых говорил ангел. Первосвященник собрал этих мужей к храму и, отобрав у них жезлы, внес их в храм, произнес молитву: «Господи Боже, покажи мужа, достойного стать обручником Девы». Когда вслед за тем первосвященник вошел за жезлами в святилище, он увидел, что все жезлы остались в своем прежнем виде, а один жезл расцвел. Этот жезл принадлежал родственнику Пречистой Девы Марии, праведному 80-летнему старцу Иосифу, добывавшему себе хлеб плотничьим ремеслом. Так совершилось знамение, которое указало первосвященнику на человека, назначенного Промыслом быть хранителем Девы Марии. Кроме того, что жезл расцвел, на нем сидела голубица, которая вспорхнула в воздух и стала виться над головой Иосифа. Подав жезл Иосифу, первосвященник сказал: «Ты примешь Деву и будешь хранить Ее». Иосиф возразил, что у него есть дома взрослые сыновья, что он станет посмешищем для людей, если возьмет к себе в дом столь юную девицу. Но первосвященник сумел уговорить его не противиться Божьей воле, и тогда же произошло обручение. По преданию, Пречистая Дева была сильно опечалена решением священников. Трудно Ей было расставаться с храмом, но Ей было откровение от Бога, чтобы Она не боялась идти в дом Иосифа, праведного старца, Ее обручника. Иосиф Ей был назначен не как муж, а как хранитель Ее святыни и заботливый Ее служитель. Со стороны все должны были думать, что Мария и Иосиф живут в обыкновенном браке, тогда как Ее девство оставалось по-прежнему ненарушенным.

Старец Иосиф был потомок Давида и Соломона. Это был человек твердого, правдивого, искреннего нрава, скромный, внимательный, трудолюбивый. От брака с Саломией у него было две дочери и четыре сына. Пред обручением с Девой Марией он прожил много лет в честном вдовстве.

Вот Мария рассталась с Иерусалимом, где невидно в священной обстановке протекло Ее детство и отрочество. Иосиф повел Ее за собой в Галилею, в ничтожный, маленький Назарет, на жизнь, полную труда и лишений, на скромную долю. И не знал никто тогда, что этим исходом Девы Марии в Назарет начинался ряд поразительных и великих событий, которые должны были перестроить жизнь вселенной.

Поселившись в Назарете, Дева Мария не изменяла образа жизни, к которому привыкла в Иерусалиме. По-прежнему молитвы и рукоделия делили между собой все Ее время. Обстоятельства доставили Ей большую работу, которая требовала Ее особенного внимания. Священники иерусалимского храма задумали сделать новую завесу пред «Святая Святых» и поручили работу нескольким непорочным девам из племени Давида. Работа была распределена по частям между девами метанием жребия, и на долю Девы Марии достался «червлен» и «настоящая багряница»... И вот после посещения для этого дела Иерусалима Пречистая Дева опять в Назарете, в тишине в молчании сосредоточенной души Своей в таинственных, неясных предчувствиях чего-то великого, подходящего все ближе и ближе...

Кто проникнет, кто изобразит эти последние годы пред пришествием в мир Божества!

Ложась на старые страдания, наложение новых и новых мук человечества чувствовалось слишком уж невыносимо. Все, что земля могла дать, все, до чего человеческий ум, себе предоставленный, мог додуматься — все было достигнуто, испробовано, и ничто не дало полного удовлетворения. С отчаянием и болью люди на пространстве многих десятков веков искали совершенного счастья, стремились пережить такие часы, когда бы могли воскликнуть о себе: «Я все имею, большего мне нечего желать, хочу замереть в этом миге и продлить его на вечность...»

Но такой миг или не приходил совсем, или, блеснув метеором, невозвратно скрывался. Поражаемые краткостью и непрочностью счастья, некоторые люди доходили до мысли, до решимости самым удалиться из жизни, и самоубийство нередко заключало путь наиболее чутких и содержательных людей

античного мира.

Великолепный Рим, покорив себе почти всю вселенную, довел до необычайной смелости жажду наслаждений, но, и захлебываясь в них, не познал счастья. Все в жизни было перепробовано, и ничто не привело к цели. Миру предстояло или обновиться, или оцепенеть в роковом недоразумении, в безграничной, неисходной тоске...

И вот в эти самые годы в далеком Назарете тихо жила Дева, через Которую должно было воплотиться Божество. Была Она высшим явлением, какое мог выставить «старый завет», той счастливой почвой, которую должна была оплодотворить, осиять, осветить новозаветная благодать...

Глава 2. Благовещение. Праведная Елисавета. Иосиф-обручник

И времена и лета исполнились...

Господь повелел архангелу Гавриилу идти в Назарет Галилейский к Деве Марии, обрученной старцу Иосифу, и нести Ей благую весть.

Есть в жизни людей, есть в жизни народов, есть в жизни человечества часы, минуты, исполненные невыразимой сладости, заветные, незабываемые, как обещание и залог счастья. Таким счастьем веет на христианскую душу при воспоминании о событии Благовещения Пресвятой Богородицы.

Тихий слет ангела. Белеют легкие, перистые крылья у него за плечами; белеют белые лилии у него в руках, бесценными сокровищами падают новые слова, им произносимые, — слова неслыханные дотоле на земле: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобой!»

Этими словами небо уже примирялось с землей. Райская радость возвращалась людям...

Кто опишет настроение заветного дома назаретского, где незримо проходит день за днем жизнь Пречистой Девы!..

Вот Она углубилась в чтение священной книги, прочла таинственные слова пророка Исаии: «Се Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему Эммануил, еже есть сказано: с нами Бог...» Задумалась Мария над этими словами и стала гадать об образе той Девы-Матери; необъяснимая нежность к

этой Жене и Ее таинственному Сыну переполнили Ее сердце... Ей, никогда не желавшей ничего, захотелось всеми силами присутствовать при предреченных событиях. И сказала Она Себе, что была бы счастлива стать служанкой той Девы... И старалась Она распахнуть завесу будущего, угадать, скоро ли совершится это великое событие, когда будет жить Дева пророчества... Тело Марии присутствовало в тихой келье Назарета, а душа воспарила над землей, реяла в небесах, вскрывала будущее, проникала к страшному престолу Вседержителя, там искала разрешения заветной тайны. Изгнанная из рая, ограниченная, робкая все эти тысячелетия душа человеческая, не дерзавшая и в мыслях достигнуть до неба, теперь в лице Мариами могучим порывом веры вновь возвращалась в умилившееся пред Нею, в открывшееся Ее святыне небо. И вот в эти минуты и совершилось таинство благовестия.

«Радуйся, Благодатная: Господь с Тобою! Благословенна Ты в женах!...» Таковы были слова, которые ангел принес на землю от Бога Той, Которая стала первым оправданным благодатью Человеком Нового Завета...

Пресвятая Дева не была устрашена явлением ангела: к этим явлениям Она привыкла издавна в храме иерусалимском. Но самые слова смутили Ее, так как доселе ни один человек не был назван благодатным.

«Смутися о словеси его»: вот как описывает евангельское сказание состояние тихой души Марии при словах ангела. Ее углубленная, созерцательная природа не выражает изумления своего в словах. Не внешние признаки волнения, а напряжение молчаливой мысли — вот ответ Девы на необычайное, новое для дочери земли приветствие ангела. Она безмолвствует и восприимчивым, сильным умом Своим соображает значение и последствия этого краткого, но необъятно-громадного слова.

Какие горизонты открывались Ей в ту минуту! Какие лучи света лило слово ангельское на Ее будущее, на будущее всего человечества!

Как ни была Она смиренна, этот глагол неба возносил вдруг Ее, неизвестную Деву Назарета, на немыслимую дотоле высоту, и Она стояла, вся трепеща, венчанная этим словом, как дивным венцом, вдруг услышав о великом Своем избрании и смиренно принимая его...

Так в жизни гения бывает час, когда он вдруг прозрит свое назначение и, ликуя, уносится творческой мыслью в небеса, откуда бросает на землю свои возвышенные творения...

Итак, Она безмолвствовала.. И чудно было вокруг. И тишина эта полна была непостижимых тайн и великих обещаний.

На безмолвное ожидание Девы ангел сказал Ей, чтоб Она не боялась, так как обрела благодать у Бога, и что Она зачнет Сына, царству Которого не будет конца.

Со смирением чистая Мария приняла весть о чудном Сыне, склонилась пред волей Божией; но, как невольный крик девственного сердца, вырвался вопрос, которым Она как бы обороняла Свою святыню... Раздалось Ее слово.

«Наконец, — восклицает вдохновенный Филарет, митрополит Московский, в своем слове на Благовещение, — безмолвная Мариам говорит. И слово Ее, исполненное духа, как река, течет и играет; как солнце, сверкает и озаряет; как фимиам, восходит и благоухает...»

«Как будет это со Мной, когда Я мужа не знаю?..» Дева готова стать матерью, Она склоняется пред Божественным назначением, но не хочет и не может изведать земного брака, этого общего пути к рождению на земле... Одной любовью Божественной трепещет это сердце. Все — все помыслы, чувства, стремления — отданы невидимому, неприступному Богу. Он один только и мог бы быть Ее желанным, Ее нетленным Женихом. И в тот миг, как Ей говорили о Сыне, Ее чистейшая душа, испуганная одной возможностью мысли о браке земном, с силой устремилась туда, в высоту, к единственно желанному ижданному Богу. И тогда совершилось таинственное, чудное, непорочное зачатие...

«Дух Святый найдет на Тебя, и сила Вышнего осенит Тебя; поэтому и Рождаемое свято, и наречется Сыном Божиим», — говорил Деве ангел. И лучи вышней благодати лились на смиренную Избранницу небес, и Дух Господень нисходил на Нее, и сила Вышнего осеняла Ее. И стояла Она, поникнув долу главой, — освященная, осиянная, благодатная земля, зарождавшая в ту минуту небесного Сына...

«Се раба Господня: да будет Мне по слову твоему!»

В IV веке в Назарете, на том месте, где архангел Гавриил благовестил Деве Марии, был воздвигнут храм в память Благовещения. Теперь там стоит латинский монастырь. Церковь его великолепна. Мрамор одевает прежнее жилище убогой Девы, обрученной старому плотнику Иосифу. Большой надпрестольный образ Благовещения, высоко помещенный, царит над всем храмом. От левой стороны алтаря несколько

широких ступеней из белого мрамора ведут к уступу скалы, в которой расположены три небольшие комнаты. Тут устроен алтарь, и горит несколько неугасимых лампад. Они бросают таинственный отблеск на освещенный помост. Надпись крупными буквами: «Hic Verbum caro fait» («здесь Слово плоть бысть») говорит кратким словом о неизглаголанном, на этом месте совершившемся событии. Над престолом возвышается большой образ Благовещения. Вазы с белыми лилиями (цветок, бывший в руках архангела Гавриила при Благовещении и знаменующий чистоту) стоят на престоле и у подножия его. Близ престола две мраморные колонны, поставленные равноапостольной царицей Еленой, означают те места, где стояли Пресвятая Дева и архангел. В третьей пещере есть два боковых углубления. Одно из них служило, вероятно, очагом, на что указывает и отверстие для дыма; в другом хранились домашние припасы.

Есть еще в Назарете, в самом конце города, церковь, построенная усердием русских царей. В ней показывают глубокий колодезь, из которого Дева Мария черпала воду. Вблизи этого места, по преданию, жило Святое Семейство по возвращении из Египта. Свежая, прозрачная вода этого колодца имеет чудотворную силу.

Теперь Назарет — небольшое селение с 300 каменных домов с плоскими крышами и с 30 000 жителей. Он прислонился к горе, с верха которой открывается прекрасная панорама долины, гор и, наконец, Средиземного моря.

Имя Назарета священо для христианина. Христа называли «назарянином». Это прозвище было написано и на древе крестном, на котором Он пострадал за нас.

Впечатление, произведенное на Пречистую Деву Благовещением, было так велико, что Мария испытывала духовную потребность поделиться переполнявшими Ее чувствами с близкими людьми.

Ближайшим по духу к Ней человеком была родственница Ее Елисавета. Архангел Гавриил в явлении своем сказал Деве Марии, что Елисавета зачала сына, и до Девы должен был дойти слух о том, как онемел в храме ее супруг Захария. Все это побуждало Деву Марию стремиться к свиданию с Елисаветой. И Она отправилась в город Иуту, где жили священники (в ста двадцати верстах от Назарета) и среди них Захария. По преданию, пристав к кучке богомольцев, отправлявшихся в Иерусалим, Пречистая Дева, по дороге в Иуту, заходила в Иерусалим. Тут Она передала первосвященнику Свое рукоделье для храмовой завесы.

На месте города Иуты расположено теперь селение св. Иоанна, где живет свыше 500 арабов-мусульман. Там, на том месте, где родился Предтеча Господень, возвышается латинский монастырь с храмом богатой отделки. Под сводом родильной пещеры стоит великолепный престол с латинской надписью о рождении на этом месте Иоанна Крестителя. За селением, под тенью смоковничных деревьев, расположен водоем. Сюда, по преданию, ходила за водой Пречистая Дева, когда гостила три месяца у Елисаветы. Самый дом стоял на скате горы, близ источника. Развалины дома существуют поныне. Среди двора широко раскинулся древний платан. Огромные камни нижнего этажа уцелели от этого бывшего дома Захарии. Здесь-то, у каменного крыльца, ведущего наверх, и происходило, по преданию, заветное свидание Девы Марии с Елисаветой.

Вот Мария тихо приближается к потонувшему в зелени заботливо возделываемых садов городку и уже завидела за причудливо раскинувшим свои ветви платаном дом Своих родных.

Радостно забилося Ее сердце, предвкушая ту минуту, когда Она впервые с часа Благовещения поделится с преданным Ей человеком Своей великой тайней... Вот уже Она подымается к дому, вступила в ограду, как Елисавета завидела Ее, бросила свое домашнее дело, спешит Ей навстречу, сошла с крыльца, протянула к Ней руки. При первых словах Марии благодать озарила и возрадовала Елисавету: жизнь младенца, которого она в себе носила, почувствовала жизнь зачатого в Деве Христа — совершилась таинственная встреча двух душ. Устами матери взыгравшийся во чреве Елисаветы Иоанн торжественно в лице Пречистой Девы исповедывал и славил Того, Кого он должен был проповедывать, за Кого он должен был умереть.

«И бысть, яко услыша Елисавет целование Марии, взыграся младенец радощами во чреве ея, и исполнися Духа Свята Елисавет, и возопи гласом вели-им и рече...»

Слова, которые воскликнула тогда, по наитию Святого Духа, Елисавета, были теми словами, которые вместе со словами архангела Гавриила посылает постоянно христианство обратно в то небо, откуда они ниспали: «Благословенна Ты в женах, и благословен плод чрева Твоего!»

Далее Елисавета, первая из людей, называет Пречистую Деву Богоматерью: «Откуда мне сие, да прииде Мати Господа моего ко мне?» Таким образом, тут, среди этого тихого палестинского дня, среди красоты кончающейся в это время в тех жарких краях весенней поры, впервые Дева Мария была исповедана

благоговейным сердцем человеческим за Матерь Бога. В ответ на это величание Елисаветы Дева Мария ответила словами, которые точно так же вошли в обиход богослужения и представляют и смиренную хвалу избравшему Ее Богу, и смиренное сознание великого Своего назначения.

«Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем, яко призре на смирение рабы Своея, се бо отныне ублажат Мя вси роди...»

О чем говорили в эти три месяца пребывания у Елисаветы Пречистой Девы эти две жены, носившие в себе две жизни, которые должны были изменить быт и судьбу вселенной? Какие тайны, какие предчувствия поверяли они друг другу? Какими глазами смотрела Елисавета на Богоматерь, на Которой, конечно, чудным образом сияла святыня Божественного созревавшего в Ней Существа?

Так Ветхий Завет доживал уже последние дни, и сокровенно, неслышно приближалась иная пора, которая должна была начаться с Рождества Христова.

Мария снова в Назарете. Следы плодоношения Ее становятся заметны, и начинается великая скорбь Ее от подозрений Иосифа. Можно представить себе положение человека, который видел в Деве Марии высшее, святейшее воплощение всего самого высокого, самого отрадного, чистого, надземного.

Он радовался, что его старческая рука благоговейно и трепетно охраняет этот цвет непорочности, чудную безгрешную Деву, — и вдруг Она готовится стать Матерью! Неужели могли лгать эти глаза, чрез которые смотрит в душу само небо? Неужели позор лег на это чело, озаренное сиянием какого-то невещественного света? Неужели слова жгучей ласки, слова грешной чувственной любви произносили эти невинные уста, так скупно говорившие земные слова, раскрывавшиеся лишь для того, чтобы в тайне и в тишине, ведомо и слышно одному Богу изливать Ему потоки хвалы и благоверности?

Чем тяжелее разочарование, чем беззаветнее верилось в то, что оказалось низким и поруганным, — тем больше страдает душа, тем с большей горечью смотрит на сокрушенный идеал, которому так горячо поклонялась и который так похож на других, так обыденно и пошло упал...

С таким-то сложным чувством ужаса, содрогания, боли и горечи должен был мыслить Иосиф о мнимом грехе Девы.

По своей чуткости Пресвятая Дева, конечно, должна была

угадать, что происходит в душе Ее обручника. И что было Ей делать?.. Говорить ли ему о том, что было тайной между Ней и Богом?.. Но тайна эта была так велика и сверхъестественна, что ей трудно, невозможно было поверить... Сама Мария была высшим из всех земных существ всех времен, но и Она как смутилась духом, прежде чем поверила слову архангела... Да и как Ей Самой говорить о том, на какую высоту Она вознесена?

И Пречистая Дева предпочла делать то, что делала потом на всем пространстве Своей невыразимо печальной, невыразимо-испытанной скорбями жизни: молча страдать.

Молча страдать — вот что было на земле Ее постоянным уделом. Это было нескончаемое углубление сердца в непреходящую муку, вечное исхождение невидимую мученическую кровью.

Она молчала, когда в холодную декабрьскую ночь Ей нельзя было приютить новорожденного Сына в теплом доме и когда волны согревали дыханием своих ноздрей Царя вселенной.

Она молчала, когда «искали души Ее Младенца», и в жгучем страхе за Него Она со старцем Иосифом бежала в Египет, попадала в руки разбойников...

Она молчала, когда Ее Сын рос в бедной доле и, быть может, усердного труда старого плотника и Ее неустанно работающих рук не было достаточно для того, чтоб заработать Иисусу дневное пропитание.

Она молчала, когда Он, оставя Ее, ушел на Свое великое дело — на проповедь к народу.

Молчала, когда однажды пришла навестить Его в доме, теснимом народом, и на Ее просьбу выйти к Ней Иисус выслал Ей ответ: «Кто творит волю Отца Моего, тот Мне брат и сестра, и Матерь».

Она молчала, когда Он, Ее Иисус, всю святыню, все Божество Которого Она одна лишь из всех людей постигала в полной мере, стоял на помосте избиваемый, оплеванный, с терновым венцом на голове, с запекшимися каплями крови на том челе, которое было челом Ее ребенка, в порыве детской любви в былые годы прижимавшимся к Ее груди.

Она молчала, когда волнуемая, безумная, осатанелая площадь кричала — кричала об Ее Сыне, Ее Иисусе: — «Распни, распни Его!»

Она молчала, когда Он, падая, подстегиваемый легионерами, нес по улицам Иерусалима Свой крест.

Молчала, когда в Ее ушах раздались звуки рокового молота, пробивавшего гвоздями тело и суставы Ее Божественного Сына.

Молчала, когда, вися на кресте, оставленный Отцом, Он переживал муку, в которой собрались муки всех людей, всех времен прошедших, настоящих, будущих, и Она, оцепенев от страдания, быть может, физически чувствуя в груди Своей исполнение пророчества об орудии, проходящем душу, — подставляла эту бесстрашную, все вынесшую, все претерпевшую грудь сверлящему оружию неизмеримой муки... Молчала и смотрела...

Так молчала Она и теперь.

Шел день за днем в таком ужасном недоразумении, когда люди мучатся из-за вставшего между ними призрака и этот призрак можно рассеять несколькими словами, но это слово не говорится. Иосиф мучился подозрением и, вероятно, упрекал себя, как смел заподозрить Пречистую Деву, упрекал, несмотря на всю видимость, несомненность события. Дева мучилась, видя его подозрения, скорбь о Ней старца и жалость его к Ней, — мучилась невозможностью ему помочь.

Наконец, явление ангела Иосифу во сне положило конец этой тяжелой драме.

И тогда все успокоилось.

Можно представить себе великое, захватывающее счастье чистосердечного, глубоко-привязчивого Иосифа, когда он узнал, что обрученная ему Дева, Которую он так чтит и Которую безо всякой с Ее стороны вины заподозрил во грехе, — не только осталась непорочной, но и будет Матерью Господа! Служить Ей еще вернее, чем он служил Ей доселе, служить в будущем Ее Божественному Сыну стало целью остающейся ему жизни. Он поддерживал Деву и Божественного Младенца трудами своих рук и вместе с Пречистой Матерью был свидетелем детских лет Христа.

Он был первым из людей, принесших в дар воплотившемуся Богу не единичные, как то сделали волхвы, дары, не излияния мгновенного восторга, как вифлеемские пастухи, а все помыслы, все плоды своих трудов и усилий.

Он работал на Христа, охранял Его младенчество, оберегал отрочество, следил за Его юностью.

Благо Христа, как и благо Его Матери, Пречистой Девы, было единственной заботой его трудовой, благочестивой жизни.

К сожалению, православные недостаточно помнят этого замечательного человека, с истинно-христианской скромностью совершившего свое дело и незаметно ушедшего от жизни. А между тем, может ли не быть особенно близок к престолу Божьему, может ли не иметь к нему особенного дерзновения тот, кто считался земным отцом Христа, был верным хранителем Пресвятой Девы и так свято исполнил относительно Иисуса — Младенца, Отрока, Юноши — возложенный на него Провидением долг?

Глава 3. Рождество Христово. Сретение. Бегство в Египет

Настало время родиться Христу...

К самому тому времени вышло повеление от Кесаря Августа «написатися вселенней»...

Кто из верующих не читал с умилением в счастливом волнении это величественное и простое, захватывающее в своей поэзии сказание!..

«Пошли все записываться, каждый в свой город, пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, записаться с Марией, обрученной ему Женой, Которая была непраздна. Когда же они были там, наступило время родить Ей. И родила Сына Своего Первенца, и спеленала Его и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице».

Мария пошла записаться в Вифлеем, потому что, как утверждает древнее предание, Она оставалась единственной из Своего рода и, не имея ни братьев, ни сестер, подлежала переписи наравне с мужчинами. Из Назарета в Вифлеем обыкновенного пути более трех суток, но, конечно, чета старца и Девы, носившей в Себе заветное бремя, двигалась медленней. Путница должна была сильно утомляться. Предание говорит, что при одном распутии, не доезжая Вифлеема, Она взошла и расположилась на отдых на большом камне, целевшем донныне, и под этим камнем открылся родник воды. Затем Она продолжала путь в Вифлеем. Город был переполнен. Малейшие жилые углы были использованы. Бедным путникам было невозможно разыскать теплое пристанище в городе. Близ ворот Вифлеемских, за городом, у

так называемого источника Давидова, находилась в каменистой горе пещера. Она принадлежала к полю вифлеемской жительницы Саломии, бывшей в родстве с Девой Марией и с Иосифом. В бурю сюда загоняли скот и укрывались от зноя и непогоды пастухи. В стене было высечено углубление, в которое засыпали корм скоту. В этом убогом пристанище, вдали от людей и совершилось великое таинство пришествия в мир Христа Спасителя.

Кто проникнет, кто изобразит это приближение юной Девы с хранившим Ее старцем к Вифлеему, под вечер утомившегося шумного дня! Поиски приюта. Вход в пещеру и безболезненное рождение Божественного Младенца...

Холмик из соломы. На нем невместимый Бог. И пеленают Его любовно и заботливо руки Матери Девы... Какие таинства совершились в этой молчаливой душе, полной и нежной заботы о Младенце, как о Сыне, и восторженного поклонения Ему, как Богу... Холодно... Убого...

Но над этой пещерой впервые зазвучала на земле райская песня. Песнь отрады, примирения. Пришли пастухи, созданные ангелами, приехали волхвы с дарами. А Дева все слагала в сердце Своем, все не сводила глаз с Младенца и грела Его Своим дыханием, и грели Его, как Господина, стоявшие тут же в пещере волы и ослик.

Единственные дни, когда материнская любовь Ларин не страдала еще от роковых пророчеств. То были дни неомраченной еще радости, и Она созерцала без конца сошедшего на землю Бога, Который был зараз и Ее Сыном, переживая то, что никогда не пережила и не переживет ни одна женщина.

Одно имя Вифлеема заключает уже в себе необычайную сладость для души христианской, и глубокое волнение охватывает паломника, приближающегося к месту рождения Спасителя мира.

Дорога из Иерусалима на Вифлеем идет, постепенно поднимаясь в гору. Пред путником расстилается равнина Рефаимская, а впереди ее — высоты святого Илии.

По пути попадаются развалины сторожевых башен, оград, столбов, окружавших виноградники этой прежде плодоносной, теперь же запустевшей долины. Одну из развалин называют домом Симеона Богоприимца. Долина была во время Христа богата теревинфовыми деревьями, и показывают отросток такого дерева, под которым, по преданию, Пречистая Дева

отдыхала на Своем пути из Вифлеема в Иерусалим.

Близ высот святого Илии виден древний колодезь, называемый колодцем «трех волхвов». За монастырем святого Илии открывается вид на Вифлеем. Город расположен по горному хребту, склоняющемуся к югу в долину. Горизонт замыкается горами Мертвого моря и цепью гор Иудейских.

Над местом Рождества Христова несколько раз христиане воздвигали храмы. Теперешний относится, как полагают, ко временам императора Юстиниана. Он посвящен Пресвятой Деве. 15 мраморных ступеней ведут в подземную церковь, к пещере Рождества. Там, в полукруглом углублении, вделана звезда, освещенная лампадами. В нескольких шагах от этого места находится особая «пещера яслей»...

По преданию, Богоматерь пробыла в Вифлеемской пещере сорок дней, причем в восьмой день во исполнение закона Моисеева было совершено Обрезание.

По истечении сорока дней после рождения Младенца Св. Семейство отправилось в Иерусалим совершить обычные обряды. Всякая мать, родившая ребенка, приходила в храм для очищения и приносила в жертву агнца и горлицу, а бедная — двух голубей. Эту скудную жертву принесла в храм и Дева Мария.

Здесь совершилось событие, набросившее тень великой скорби на всю последующую жизнь Богоматери.

Деву с Младенцем встретил праведный и благочестивый человек Симеон. Полный живой веры, он сосредоточенно ждал обещанного Избавителя, и пребывавший в нем Дух Святой открыл ему, что он не умрет, прежде чем не увидит Христа Господня. Обещанием этим он и жил...

Когда Пресвятая Мария принесла Младенца в храм, Святой Дух внушил праведному Симеону идти навстречу и открыл ему, Кто Этот Младенец. Подойдя к Пречистой Деве, Симеон взял на руки Младенца и произнес свои бессмертные слова хвалы и благодарности Богу за то, что сподобился видеть Спасителя людей.

Велик был этот миг. В лице Симеона, одного из лучших людей прежнего отходящего времени, Завет Ветхий приветствовал и поклонялся Завету Новому, который должен был воплотить в Себе Младенец Христос.

Тут же Симеон произнес пророчество. Обратясь к Деве Марии,

он сказал Ей: «Тебе оружие пройдет душу». То было ясное, непреложное слово о тех не-счастиях, из которых сплелся весь земной путь Богоматери и которые начались уже через несколько дней по произнесении этого пророчества.

Казалось бы, чего ждать, как не обещания радостей, Той, Которую небо избрало своим орудием, Которая оказалась достойнейшей и высшей не только из всех когда-либо живших людей, но возвысилась и над ангелами, верными служителями Бога!.. Но нет! О радостях ни слова: только предсказание муки: «Тебе оружие пройдет душу».

Вся радость рождения, радость чувствовать Себя Матерью воплотившегося Бога, была помрачена этой угрозой. Конечно, ни пророк, ни Та, к Которой отно-силось пророчество, не знали в ту пору всех ужасов, всей страшной бездны страданий, какие были уготованы сердцу Матери Девы. Но слово было достаточно сильно, чтоб взволновать, испугать, оставить неизгладимо тяжелое впечатление.

Бывают дни в жизни человека, когда разом происходит внутренний перелом, когда человек, бывший за несколько часов до того ребенком по наивной доверчивости, по безбрежной радости, — вдруг становится взрослым, замкнувшимся в себя, недоверчивым, отовсюду ожидающим бед человеком. Радость жизни навсегда отлетела. Какой-нибудь печальный опыт заставляет отовсюду ожидать испытаний. Холодно, одиноко, робко. И вдали не видно ничего утешающего, отрадного, одно лишь то ровное и привычное, то до невыносимости ожесточающееся страдание.

Такой перелом должны были произвести в жизни Богоматери слова старца Симеона. Эти слова должны были неотступно сопровождать Ее по всем путям Ее жизни, неясным призраком смущать радостные минуты Ее и грозно звучать в Ее ушах всякий раз, как являлось горе, столь часто Ее посещавшее. Безмятежная радость навсегда отлетела от Девы Марии...

И Она, всегда покорная воле Божией, теперь безмолвно склонилась пред жгучим страданием, надвигавшимся на Нее в слове Симеона, и готова была принять это страдание в Свою душу и безропотно его нести.

Среди чудотворных икон Богоматери есть одна, называемая «Семистрельной». На ней Пресвятая Дева изображена с главой, поникшей под гнетом тяжелой скорби. В грудь Ее воткнуто семь мечей: четыре с одной стороны, и три с другой. Не есть ли это верный символ обычного душевного состояния Пресвятой Девы? И не началось ли это состояние уже тогда, в храме

иерусалимском, в день Сретения?

От волхвов, проезжавших чрез Иерусалим, царь Ирод узнал, что в Вифлееме родился таинственный Младенец, Которому надлежит стать царем израильским. В безумном опасении, что этот Младенец лишит его престола, Ирод измыслил ужасное средство избавиться от мнимого соперника: он послал в окрестности Вифлеема избить всех младенцев включительно до двухлетнего возраста. И 14.000 неповинных детей мужеского пола пали жертвой за Христа. То были первые мученики христианства. По незначительности населения Вифлеема с его окрестностями и громадному числу избитых младенцев можно предполагать, что неистовство Ирода распространилось на более широкое пространство, чем Вифлеем с его окрестностями.

Что переживала Пречистая Дева, когда до слуха Ее, хотя Она и находилась в то время уже далеко, дошла весть о безумной мере Ирода. С какой нежностью, с застывшими в глазах слезами Она должна была прижимать к Себе Младенца Иисуса, только чудом спасенного от страшной гибели.

Ангел во сне вовремя предупредил Иосифа об опасности и велел ему бежать с Девой и Младенцем в Египет.

И вот, Они бегут... Оружие уже вонзилось.

Они путешествовали при тех же условиях убожества, как при незабвенной поездке Своей из Назарета в Вифлеем. Иосиф вел за повод ослика, на котором сидела Дева с Младенцем и помещались скудные пожитки путников. Их угнетала невозможность быстрого движения при всем желании скорее уйти из пределов Палестины.

Есть замечательное предание об одной встрече, которую они тогда сделали и которая повторилась потом при совершенно исключительных обстоятельствах. В одном месте они были окружены разбойниками, и те хотели отнять у них осла и убогое их имущество. Одному из разбойников удалось видеть лик Младенца, и он до глубины души поражен был Божественным видением. Он воскликнул: «Если б Бог сошел на землю, Он не мог бы быть прекраснее Этого Младенца». Разбойник этот не позволил товарищам прикоснуться к светлым путникам и настоял на их освобождении. Богоматерь благодарным взором окинула разбойника и сказала ему: «Этот Младенец воздаст тебе благим воздаянием». Это был тот самый разбойник, которого церковь называет «разбойником благоразумным». Он был распят одесную Христа, исповедывал Его Богом и первый из всего человечества вошел в Царство

Небесное.

Другое предание несколько иначе передает о той же встрече. Схваченные разбойниками, путники были приведены в их притон. Там лежала больная жена одного из разбойников, имевшая грудного младенца. Болезнь матери тяжело отзывалась на ребенке. Тщетно силился он высосать каплю молока из ее истощенной груди. Богоматерь увидела страдания ребенка, терзания несчастной матери. Она подошла к ней, взяла младенца к Себе на руки и приложила его к Своей груди. И от таинственной капли, проникшей в увядающий телесный состав, мгновенно жизнь вернулась в зачахшего ребенка. Щеки оживились румянцем, глаза заблестели, полутрупик превратился опять в веселого цветущего мальчика. Таково было действие таинственной капли. И в этом мальчике осталось на всю жизнь воспоминание о чудной Жене, у персей Которой он, умирающий, исцелился. Жизнь не была к нему добра; он пошел проторенной его родителями дорогой преступления, но жажда духовная, стремление к лучшему никогда не оставляло эту загубленную жизнь. Можно думать, что черты благородства отличали его, что, враждуя на богатых, он никогда не занес руку на женщин, на слабых, на детей и на тружеников. Там, в глубине, жил светлый образ, и этот образ требовал от него милосердия ко всему беззащитному, немощному. Подарив ему чудную встречу у врат жизни, Бог за все то чистое и благородное, что таилось в нем под внешним покровом разгула и преступления, послал ему при конце новую встречу с Теми, Кто бросил такой чудный отсвет на весь его житейский путь. И когда он, распятый одесную Христа, сгорая от жгучей боли, принимавшей его тело, сгорая от бесплодного и позднего раскаяния за все свои преступления, открыл глаза и увидел прекрасную Женщину в безмолвном сосредоточии скорби, смотревшую на Того, Чья вина была выражена в надписи, прибитой к крестному древу над Его головой, словами: «Иисус Назорей, Царь Иудейский», — не узнал ли он тогда свою в детстве Исцелительницу, Которая теперь должна была стать его избавительницей на вечность? Утраченное заветное видение возвращалось теперь, в последние минуты жизни. Чрез Мать он познал Сына, понял, что в Нем и Его заслугой все разрешается, и волны ликующей благодати покрывают бездны греха и заблуждений, и в блаженном порыве воскликнул то слово, которым столько веков потом, по его примеру, падшая душа человеческая, прозревая Бога, звала Своего Икупителя: «Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии Твоем!»

Много вообще преданий связано с бегством Святого Семейства в Египет...

Первый отдых в египетских пределах путники имели в селении

Матаризэ. Иосиф, оставив Богоматерь с Младенцем под громадным тенистым деревом, отправился искать приют в селении. Ветви дерева склонились над путниками, чтоб усилить над ними тень и прохладу, дать им лучше отдохнуть. Когда Богоматерь удалилась из этой гостеприимной сени, дерево продолжало сохранять свое наклонное положение, а листья его получили целебную силу. Около дерева пробился родник прекрасной, чистой воды. Сохранившись доныне, родник этот дает прекрасную пресную воду, а свойство его тем поразительнее, что все родники и колодцы этой местности имеют солоноватый вкус. Невольно дивишься тому явлению, что разрушились и забыты громадные египетские города, современные Христу, а приютившее Его дерево и пробившийся рядом источник сохранились и доселе.

Есть предание, что при входе Святого Семейства в город Гермополис, лежащий в Верхнем Египте, одно высокое дерево, как бы не смея стоять пред Христом, нагнулось до самой земли и поклонилось Ему.

У коптов существует предание, что Богоматерь с Младенцем жила в городе Бэнюсефе, в трех днях плавания по Нилу от бывшего Вавилона (старый Каир). Самое имя этого места (по-еврейски оно значит «Иосиф») подтверждает вероятность этого предания. Христиане старого Каира показывают также пещеру, где жило Святое Семейство. Там сохранилось углубление в стене, где под заботливым взором Девы Матери спал Божественный Младенец. Сама же Богоматерь отдыхала на соседнем каменном ложе.

Сохранилось еще предание, что при входе Христа в Египет по всей стране пали и сокрушились невидимой силой идола.

Срок пребывания Святого Семейства в Египте неизвестен. Конец ему положило новое явление Иосифу ангела, который сказал ему, что гонителя Младенца уже нет на свете, и велел возвращаться назад. В пределах палестинских ангел в новом явлении своем приказал идти в Галилею, в Назарет. Так должно было сбыться пророчество: «Назорей наречется...»

Глава 4. Назарет. Детские и отроческие годы Христа

И вот Святая Семья в том Назарете, где жила Дева Мария после обручения с Иосифом, где приняла Она чудную весть о рождении от Нее Христа, снова в местах привычных, знакомых.

Но как изменилась во всем Ее жизнь!

Тот Бог, к Которому так стремилась Ее душа, теперь с Ней, и этот Бог — Ее Сын.

Как полна была Ее жизнь! Сколько отрады доставляло Матери следить за возрастанием премудрости и добродетели Сына!

Вспомним о том, как пылко мечтала смиренная Дева Назарета о Матери Божией, как образовалось в Ней желание под влиянием этой мечты стать последней из служанок Богоматери и это служение принять, как величайшее счастье жизни... И вот тут эта Мать — Она, а предвозвещенный пророками Мессия — это Он, Ее Сын, Ее Иисус, растущий у Нее на глазах.

Трудно представить себе мысли и чувства в ту пору Той, Которая была человеком и в то же время знала о Себе, что Она Мать воплотившегося Бога... Действительность, превосходящая всякую мечту, небо, спустившееся на землю, земля, вознесенная к небу...

Он рос, и Она с умилением и радостью следила за Его развитием, и сколько скорби было в этой радости!

И в те дни, когда Она держала Его у Своей груди или созерцала Его безмятежно раскинувшимся на Ее коленях, сладко вздыхающим в тихом сне, с ненаглядным лицом прекрасного ребенка, на котором, однако, лежала неизъяснимая печать Божественности; и когда Он играл с Иоанном, сыном Захарии и Елисаветы, старшим Его на полгода, — все та же мысль страшила Пречистую, тою же грозой отдавалось в ушах вещее слово старца Симеона: «Тебе оружие пройдет душу!» — и сердце сжималось...

Когда Он вышел из поры первого младенчества, опасения все так же не покидали всегда взволнованного, всегда чуявшего беду сердца Матери...

Вот они опять вдвоем с Иоанном, сыном Елисаветы, присели около дома и с несвойственной детям тихостью ведут между собой какую-то беседу, а сердце Матери бьется тревогой... О, если б можно было остановить время, если б можно было, чтоб эти родственники-мальчики никогда не уходили с глаз Ее, Девы Марии! Если б мир, если б жизнь со всеми ее загадками, со всеми тайнами непонятными никогда не призвала их к себе, не встала между ними, этими несказанно милыми и дорогими детьми и всегда готовыми к самоотверженной защите грудью их матерями... Но нет, нет, будущее сурово: жизнь грозит... «Оружие пройдет душу...» О, если б время могло остановиться, если б после всех чудес свершилось еще новое и большее чудо: если б Божественный Младенец мог навсегда остаться

Младенцем, не выходить из Назарета, от зоркого охраняющего взора Матери!..

В Евангелии нет решительно никаких указаний на детство Христово. Лишь с благоговением напрягая свое воображение, мы можем представить себе приблизительные картины этого детства. Евангелие говорит, что Христос был в повиновении у Иосифа и Девы Марии. Так как Иосиф тяжелым трудом добывал для маленького Иисуса и Его Матери насущный хлеб, то, конечно, Христос, как только стал подрастать, уже должен был помогать мнимому Своему отцу в его трудах.

До сих пор ни в духовной литературе, ни, тем менее, в искусстве не разрабатывали эту тему — о «трудничестве» Отрока Иисуса. Но вот в 1908 году на выставке парижского салона (громаднейшая международная выставка картин) появилось полотно, обращающее на себя внимание всех верующих, старающихся проникнуть в тайну детских лет Христа. Изображена внутренность очень бедного помещения. Столярный верстак, прекрасная Дева, бедно одетая, вертит колесо. Дева вся в белом, с белым длинным покрывалом на голове, спадающим простыми складками к поясу. У маленького каменного колеса, которое вертится силой другого большего, в сосредоточенной позе сидит старый плотник, обняв руками маленького Мальчика. Луч света, пробравшись снаружи из небольшого оконца, образует род сияния вокруг головы Ребенка. В Своих ручках Он держит кусочек дерева, из которого летит мелкий дождь опилок от соприкосновения с быстро вращающимся колесом верстака... Кто не узнает в этой обаятельной картине старца Иосифа, обучающего Отрока Христа столярному делу? Чье верующее сердце не наполнится сладкой грустью при воскрешении этих невидимо блеснувших заветных, священных дней?

И вот, эта работа, беседы с Матерью и уединенные размышления, минуты общения Бога Отца с Богом Сыном — великая, уму недоступная тайна — и должны были составлять главное содержание жизни Отрока Иисуса.

Дни Богоматери проходили, как всегда, в трудах. Имея прекрасное основательное образование в круге знаний, доступных евреям, Она, как говорит предание, учила грамоте детей, и уж конечно, Она же учила грамоте и Иисуса... Странное обучение, где неизвестно, кто больше учился: Мать ли, или Сын, от всякого слова Которого лучи внутреннего знания, постижения причины причин должны были озарять внутренний мир Пресвятой Учительницы...

Рукоделие по-прежнему составляло и в эту пору любимое

занятие Пресвятой Девы, и Она лично изготавливала одежду для Себя и Божественного Сына.

Вот внешние рамки, в которых протекала жизнь Святого Семейства, и как мало видно в этих рамках! Навсегда останутся скрытыми главные непостижимые тайны...

О чем думал Божественный Отрок? Каково было в Нем соотношение всезнания Божества и ограниченного знания ребенка, пытливо приглядывающего к Божьему миру? О чем мечтал и как именно Он, Отрок Назарета, не переставший быть Богом и не нарушивший Своим воплощением таинственного единства Святой Троицы, — пребывал в общении с двумя другими Лицами Божества?

Хотя и отмеченный сиянием Неба, Отрок Иисус жил так обособленно, что оставался неизвестным даже в ближайших местах. Например, Нафанаил, живший в соседнем городе Кане Галилейской, всего лишь в часе езды от Назарета, впервые услышал об Иисусе лишь от Филиппа, когда Иисусу было уже тридцать лет.

Так бывает, что великое сокровище остается незамеченным людьми, которые, и имея очи, чтоб видеть, — не видят. Так бывает, что в недрах семейств тайно зреет какая-нибудь чудная девушка, какой-нибудь юноша благородной души, дивного сердца, великих способностей, — и не знает никто о них ничего, кроме их домашних, с тревогой, изумлением и любовью следящих за развитием этих избранных душ.

Когда Иисусу было двенадцать лет, совершилось в Его жизни событие, которое открыло для Девы Марии новый род страдания.

На праздник Пасхи Богоматерь и старец Иосиф взяли с собой Иисуса в Иерусалим. По окончании праздника они пошли обратно в Назарет, — очевидно, со своими земляками. Иисуса с ними не было. Они были уверены, что Он идет сзади с другими богомольцами, и потому не беспокоились за Него. Но на первом роздыхе они обошли все кружки отдохавших богомольцев и, не найдя среди них Иисуса, стали тревожиться. Опять Его искали и, наконец, решили вернуться в Иерусалим. В страхе и печали вошла Мария в храм иерусалимский, надеясь, вероятно, найти там и подкрепление в скорби Своей, и вразумление, где Ей искать Сына. И вот, видит Она, Отрок Иисус сидит среди древних старцев, известных учителей народных, слушает их со смирением, свойственным отроку Его возраста, вопрошает с силой, доступной лишь Богу. На лицах окружавших юного Христа людей были написаны ужас и

изумление пред премудростью Отрока...

Сердце Марии исполнилось радостью при виде дорогого лика Иисусова, и Она обратилась к Сыну со словами нежного упрека: «Чадю, что сделал Ты с нами! Вот, отец Твой и Я со скорбью искали Тебя».

— Что в том, что вы искали Меня? Разве не знаете, что Мне надлежит быть среди того, что принадлежит Отцу Моему.

Это были первые слова, сохраненные Евангелием от Христа, первое открытое признание Себя Сыном Божиим и первое прямое указание Своей Матери на то, что Он не принадлежит уже Ей, а принадлежит делу проповеди и служения людям...

Как тяжело должно было отдаться это слово в груди Марии! Тут, может быть, впервые, жестоко кольнуло Ее то таинственное «оружие» муки, о котором говорил Ей Симеон. Тут стало открываться Ей ясно будущее: Сын, уже не принадлежащий Ей всецело, как в детстве, — Сын, оставивший Ее и ушедший к народу, Сын, по отношению к Которому в полные права Матери Она войдет лишь тогда, когда все Его оставят...

Поняв, что Ее Иисус будет принадлежать не Ей только, а человечеству, Она сделала то, что делала во всю Свою великую и молчаливую жизнь: безмолвно склонилась пред вышнюю волю.

А позже сделала Она больше: Она стала Матерью всего того человечества, которое у Нее отняло Ее Иисуса и ради которого Иисус пошел на крест.

Через несколько лет после описанного события Иосиф Обручник отошел к праотцам своим, которым мог возвестить о пришествии в мир желанного Мессии. По преданию, он умер в глубочайшей старости — именно, ста десяти лет от роду. Могила его находится теперь в той самой Гефсиманской пещере, где покоилось несколько дней пречистое тело Девы Марии, до воскресения Ее Божественным Сыном.

Стесненность в средствах Богородицы стала теперь еще больше, и нужно было еще больше заботы и труда, чтоб поддерживать маленькое, скудное хозяйство. В женских рукоделиях Богородица оставалась все так же искусной и неутомимой. Она, между прочим, несмотря на все Свои заботы, сумела соткать для Иисуса замечательный по исполнению красный полотняный хитон без швов. Этот хитон бессменно Христос носил до смерти.

Шел год за годом. Если Евангелие и церковные предания дают нам несколько скудных сведений о младенческих и детских годах Христа, то нет решительно никаких данных о годах Его мужества. Между явлением Его в двенадцатилетнем возрасте во храме иерусалимском и крещением во Иордане все покрыто непроницаемой тайной, но можно достоверно предположить одно, — что Дева Мария в эти годы утешалась близким единением с Иисусом: Он был при Ней, Она видела и слышала Его, — и уже по бесконечным совершенствам Ее, не говоря уже о великости Ее к Нему любви: Христу было ближе, чем кому другому, открывать Ей те тайны, которые Он мог Ей открыть.

Глава 5. Выступление Христа на проповеди, страдания Его

Тридцати лет земного возраста Своего Иисус Христос принял крещение от Иоанна в водах Иорданских и затем провел в пустыне сорок дней в молитве и посте. Затем Он вернулся к Матери и вместе с первыми учениками и Девой Марией принял участие в торжестве брака в Кане Галилейской. Можно думать, что люди, у которых происходило это важное событие, были небогаты. У людей состоятельных и особенно в столь важных обстоятельствах всего бывает заготовлено вдосталь. У этих не хватило вина: быть может, и денег не было, чтоб послать за новым. И вот, в этом стесненном положении людей Пресвятая Дева в первый раз на наших глазах выступает ходатаицей за тех, кто нуждается в помощи в какой бы то ни было трудности житейской — в такой даже, которая во многих людях и сострадание возбудить не может, а возбудит скорее насмешки и зубоскальство...

Какая беда в том, что не хватило вина для гостей, уже, вероятно, достаточно развеселившихся! Но сострадательное сердце Марии чувствовало иначе, и Она обращается к Сыну с тремя короткими словами «вина не имут». Она еще ничего не просит, Она ничего не предпринимает, Она только указывает на нужду, чувствуя, вероятно, что указать на нужду Своему Сыну — значит уже восполнить эту нужду. Затем Она говорит прислужникам: «То, что Он вам скажет, то и делайте».

Таково было начало первого чуда Христова, таково первое выступление Пресвятой Девы, как Ходатаицы о восполнении всех нужд христианских. И как часто и беспрестанно приходится Ей указывать Божественному всемогущему Сыну на то, чего «не имут» люди, молчаливо требуя послать им это недостающее.

С этой поры Капернаум заменяет собой Назарет, как место

более частого пребывания в нем Христа. Можно думать, что бывала и Богоматерь здесь. Иногда Она следовала за Иисусом в Его проповедническом пути. Когда же Богоматерь была при Христе, Ее, по всей вероятности, сопровождали девы и жены, ютившиеся около Пречистой.

После первой Пасхи Своего благовестничества Христос вернулся в Галилею, в Назарет и в воскресный день стать учить в синагоге. От Него потребовали тут чудес, какие совершил Он в Капернауме, и Он произнес тут слово: «Не принимается пророк в отечестве своем». В синагоге поднялось смятение. Народ окружил Иисуса и повел Его за город, чтоб свергнуть Его с высоты горы, на которой стоит город. «Он же, — говорит Евангелие, — пройдя посреди них, удалился», — вероятно, чудесным образом стал невидим.

Предание говорит, что Богоматерь присутствовала при этом страшном событии: Она поспешила к синагоге, как только услышала о смятении, шла за неистовой толпой и, увидя уступ горы, с которого хотели сбросить Христа, изнемогла от волнения и ужаса.

Место, откуда хотели сбросить Христа, оканчивается отвесным обрывом вышиной сажень в пятнадцать. На этом уступе усердие первых христиан, в память муки, перенесенной здесь Богоматерью, устроило церковь, называвшуюся «церковью испуганной Матери». Она лежит теперь в развалинах. Площадка густо поросла диким алоэ.

После второй Пасхи Своего благовестничества Господь удалился от все возраставшей ненависти фарисеев из Иерусалима к морю Галилейскому, а затем вернулся в Капернаум. Тут Он сотворил множество чудес.

Враги Христовы утверждали, что он творит чудеса силой Вельзевула, князя бесовского. Когда от Него стали требовать знамения с небес, Христос назвал их родом лукавым и прелюбодейным. Тут одна женщина в восторге пред Христом, вспомнив Богоматерь, воскликнула в порыве веры, невольно произнося пророчество: «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, питавшие Тебя».

Так прославляла она Богоматерь, и с этого всенародного возвеличения Приснодевы можно считать начало исполнения пророческих слов, которые Пречистая произнесла под наитием Святого Духа во время посещения Ею праведной Елизаветы: «Отныне ублажат Мя вси роди».

Когда до Девы Марии и до так называемых «братьев

Иисусовых», т. е. детей Иосифа от первого брака, дошла весть об опасности, угрожающей Иисусу, они задумали увести Его домой и вот, отправились они все к нему: Богоматерь, чтоб видеть Сына; братья, чтоб уговорить Его скрыться с ними. Когда они подошли к месту, где находился Христос, не могли добраться до Него, так как Он был окружен множеством народа и учил его. Пришедшие послали в дом сказать, что Матерь и братья Его стоят вне, желая видеть Его. На это Христос выслал сказать им знаменитый Свой ответ: «Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и мать...»

Этим Христос указывал, что для Него нет ничего выше родства духовного, что родство телесное меркнет и никнет пред силой и святыней общих убеждений, пред единением и тождеством мысли и чувства.

Но, конечно, Пречистой Матери тяжело было это слово. Пусть Она и по духу Своему была бесконечно более всех других людей близка ко Христу и в этом отношении, как никто, подходила к словам «о творящих волю Отца Небесного». Но все же Она была Матерью не в отвлеченном смысле слова. Она держала Его столько месяцев на Своей груди, вынесла из-за Него столько забот и огорчений, так трудилась для Него: и за всю любовь и Свой муки Она приравнена ко всякому другому исполнителю закона.

Да, Богоматерь как первого и высшего человека Нового Завета должно было первую задеть слово Христово: «Не мир принес Я на землю, а меч». Этот меч духовный отсекал у Нее постоянно Ее Иисуса, чудным образом в то же время приближая Его к Ней как Бога, по мере Ее духовного роста, завершившегося столь беспримерным и недостижимым нравственным величием, что не только как Матерь воплотившегося Бога, а как существо, бесконечно возвысившееся над естеством человеческим, стала Она, на земле рожденная, — Царицей Небес.

Но то, что было человеческого, хотя в лучшем значении этого слова, страдало в Ней от этого ограничения земных понятий, земных требований, привязанностей. Ей хотелось чаще видеть Иисуса, беседовать с Ним наедине, чувствовать, что Она Им отличена от других, — а вот услышала это слово, которое, по-видимому, не делает отличия между Ней и всяким праведно живущим человеком.

Она должна была в ту минуту глубоко страдать, но, как раньше, как всегда, покорно понесла страдание и молчала. Одна из новых и неперестающих Ее жертв. Прежде чем Дева

Мария принесла Сына в жертву правосудию Отца на Голгофе, Она принесла Его в жертву роду человеческому, отпуская Его на проповедь, отдавая Его людям, ограничивая ради людей Свою близость к Нему.

Чем ближе подходила последняя Пасха, тем сильнее становилась тревога Богоматери, ввиду все усиливавшейся ненависти фарисеев. Собираясь в Иерусалим на Пасху, Христос открыто говорил ученикам, что Ему предстоит великое страдание...

Кто знает, в минуты уединенной беседы с Богоматерью, какие могли еще тогда быть у Иисуса, Он мог открыть Ей больше, чем открыл ученикам. Да и, наконец, неужели Ее чуткое и вещее сердце не чувствовало тех громадных событий, какие были predetermined столько тысячелетий назад и теперь надвигались неизбежные, неотвратимые?..

И что переживало это уже столь испытанное, столь привыкшее к мукам сердце теперь в ожидании этой новой муки, горчайшей всех мук... Какая борьба, какое раздвоение!

Она была христианка — приложим, наконец, это слово, едва ли приложенное кем-нибудь к Богоматери, Которая была, однако, первую христианкою, ибо первая уверовала в Божество Христово еще задолго до рождения Его, когда ни одна душа в мире не знала об этой страшной и спасительной тайне, — в час Благовещения; и Она же была первым совершенным плодом христианства, облагодатствованным, оправданным. И вот, как христианка, могла ли Она не жаждать, чтоб подвиг Христа совершился. Чтоб силой Его безмерной жертвы рухнули преграды между небом и землей. Чтоб в божественной крови человек убелился паче снега и в невинности первого праотца своего вернулся в потерянный было совсем рай...

Могла ли Богоматерь не желать спасения рода человеческого, истребления древней клятвы, общего воскресения, блаженства будущего века!

Но, кроме того, что Она была христианка, Она была Мать — Мать этого Иисуса — и Его мукой, Его унижением, Его позорной смертью должно было быть достигнуто все то, чего Она так желала человечеству. И вот тут Ее чувства двоились. Как Мать Она желала бы, чтоб Ее Сын, хотя бы и не оставаясь при Ней, ходил бы по городам Иудеи, мирно уча народ, и смерть Его, понятная Ей, как христианке, казалась Ей, как Матери, ужасным и, быть может, устранимым бедствием.

Последние дни воскрешения трехдневного Лазаря, так хорошо

известного Деве Марии. Весть об этом потрясающем чуде, славнейшем, чем воскрешение сына вдовы Наинской и дочери Иаира, громом несется по Иудее. Взмолвленный, восхищенный народ устраивает Иисусу при входе Его в Иерусалим небывалую встречу. Заполненные толпой улицы оглашаются криком «Осанна», и зеленые ветви пальм радостно колышутся в руках бегущих детей... Но в эти минуты не сжималось ли с еще большей болью сердце Пречистой?

Через три дня Иуда уже получил за предательство тридцать сребреников... Вот ночь Тайной Вечери, молитва в Гефсиманском саду.

Что делала в эту ночь Пречистая?..

Он Сам, пришедший в мир для страданий, родившийся для того, чтобы быть распятым: Он, как Бог всеведущий, до начала веков уже прозревший Себя на кресте: Он Сам молился в саду Гефсиманском — «Да мимоидет чаша сия»... Что же могла чувствовать Пречистая, как не то же, но еще более горячее желание, чтоб чаша эта миновала: чаша страданий, невероятных, от века еще не бывших страданий — страданий Ее Сына, Ее Иисуса. Так должна была чувствовать Мать.

Но Пресвятая Дева знала, что «на этот час Христос родился». Она видела, как страдает человечество, как необходим искупительный подвиг Христа — и Ее смятенное сердце должно было в то же время и в испуге отворачиваться от страшного видения надвигающейся муки Своего Божественного Сына и, в то же время, призывать эту муку.

Надо думать, что Богородица впервые увидела Христа в эти часы Его поругания и осуждения, в то время, как Пилат вывел Его к народу... Что же чувствовала Она до того... И вот Иисус стоит перед этой бешеной толпой, которая вопит: распни, распни Его, и среди этого народа, распаленного дикой ненавистью, бьется сочувствием великое материнское сердце.

Как ни бывает велика любовь, любовь всей жизни: случается, что какое-нибудь потрясение доводит эту любовь, которая и раньше, казалось, достигала уже величайшей точки своей, до новой, небывалой высоты. И такого напряжения и высоты достигает любовь при страдании любимого существа, когда готов за его жизнь отдать свою жизнь, своей мукой облегчить его муку.

Богородица стояла на площади среди этих воплей, требовавших позорной казни для Ее Сына. Волосы, спутанные ветвями терна, были теми самыми локонами, которые Она гладила

рукой во дни Его детства. Капли крови медленно текли по тому бледному челу, которое когда-то, в минуты детской нежности, Он так доверчиво прижимал к Ее охраняющей груди... Но теперь эта грудь была бессильна оборонить Своего Сына. Этими глазами, отражавшими теперь бездонный океан немой, бесконечной муки, Он когда-то Ей улыбался...

И все это Она должна была видеть, бессильная облегчить, освободить и утешить.

На Ней не было венца из терния. Народ не требовал распять Ее. Но в тот час на чело Пречистой надет был венец высшей муки, какую узнало когда-нибудь человеческое сердце. Не быв распятой, Она с Божественным Сыном взошла на крест — и ту же невыносимую боль, какую причинили Христу удары молота, пригвождавшие Его к древу крестному, — испытывала Пречистая под ударами этих диких криков «распни, распни Его».

Стоя у дома Пилата, Богоматерь ждала страшного приговора. Доселе показывают небольшое углубление в стене, где, по преданию, Пречистая Дева следила за концом несправедного суда... Наконец, смертный приговор изнесен. На Христа возложили тяжелый крест, который Он должен был нести до места казни. Шествие тронулось. Кругом враждебная, клянувшая толпа. Ближе — язвительно торжествующие фарисеи, и в середине — венчаный тернием, исполосованный рубцами от наносимых ударов Христос. Он сгибается под тяжестью. Крест задевает за неровности пути, а римские легионеры — в медных доспехах, широко взмахивая свистящими в воздухе бичами, вонзают их при всякой заминке в уже иссеченное тело.

Существует предание, что Богоматерь, повинувшись невольному движению сердца, как только крестное шествие двинулось, бросилась к Пилату с мольбой пощадить Ее Сына и получила отказ.

Тогда Она побежала кратчайшей дорогой наперерез крестному шествию и, пройдя узким переулком, сзади дворца Пилата, встретила здесь со Христом и увидела Его под крестной ношей. Есть картина одного иностранного художника, изображающая эту встречу. По каменистому, извилистому пути, идущему вверх, медленно подымается крестное шествие. Виден Христос, приникший почти к самой земле, давимый крестом. Там, спереди, у уступа, стоит Богоматерь рядом с двумя женщинами. Она видела Сына со крестом — и изнемогла, бессильно падает с лицом, сияющим страданием, на руки подхватывающих Ее женщин...

За этим местом дорога вскоре взбирается еще круче. Христос уже не мог нести один Свой крест, и встретившийся с Ним селянин Симон Киринейский помог Ему в несении креста. Тут же обратился Он к плакавшим о Нем женам иерусалимским, а вслед затем, при все увеличивавшейся крутизне пути, великодушная женщина Вероника, по преданию, отерла с лица Христа полотенцем кровь и пот, и тогда на полотенце отразился Божественный лик в терновом венце.

Все поднимаясь в гору, путь шел далее, к так называемым «Судным воротам», где вывешивались приговоры осужденным. Здесь был конец Иерусалима.

Вот, наконец, Голгофа, приготовления к казни, звуки молота, пригвождающего пречистые руки и ноги к крестному дереву, — и крест поднят, Христос вознесен страданием над землей — и спасительными всеочищающими волнами от креста Христова благодать страдающего Бога растекается по лицу обновляемой земли.

Христос страдает — и в эти величайшие минуты вселенной Богоматерь бестрепетно занимает при Своем Сыне то место, которое принадлежало Ей давно — в тихую вифлеемскую ночь.

Он оставлен без помощи, одинок — Ее Сын, за Которым недавно еще народ ходил толпами, у Которого было двенадцать ближайших учеников... И все покинули... Кроме одного Иоанна... Один трижды отрекся... Но любовь их всех заменила в те страшные часы безграничная любовь Матери.

Если иногда пред великостью человеческого горя язык немеет, то разве существовало слово, каким Дева Мария могла тогда утешить страдающего Бога и Сына Своего!.. Она только присутствовала, только стояла — и тайная, никогда миром не узнанная беседа велась от духа Матери к духу Сына.

Нет ничего тяжелее, как видеть поругание святыни. А Христос на кресте был для Богоматери не отвлеченной распинаемой правдой, а собственной распятой плотью, Ее пронзенным сердцем...

Поддерживала Ее мысль о том, что страдание Сына Ее есть вольное страдание, о котором Он часто Ей говорил. Поддерживала и мысль о том, как велико значение этих минут в жизни человечества.

Она страдала тихо. Некоторые из посторонних зрителей, пришедших смотреть на распятие Христово, не могли вынести

ужасного зрелища казни Господней и возвращались домой, ударяя себя в перси, а Богоматерь бесстрашно стояла у Креста и даже не рыдала. Рыдания нарушили бы и великую торжественность этих единственных в мировой истории часов, и то самообладание, которое Господу, по человеческой стороне Его существа, было тогда столь необходимо.

Этот час был часом величайшего жизненного страдания Богоматери, когда в полной мере сбылось 33 года назад произнесенное пророческое слово Симеона Богоприимца.

Теперь оружие, действительно, проходило Ее душу, и не только проходило, но, можно сказать, вращаясь в разные стороны, терзало эту израненную душу, как неосторожный нож бередит и растравляет свежую рану. Богоматерь страдала за Христа, как за Сына, Которого дивные свойства, известные ближайшим к Нему людям, Она одна знала во всей их полноте. Распятый на позорном кресте был единственный Ее Сын, дорогой для Нее не только по родству, но и по тем страданиям, которые Она за Него приняла и которые начались еще до рождения Его.

Он был дорог Ей и как Существо, давшее Ей невыразимое сокровище любви; наконец, страдала Она за Него и как христианка за Основателя нового великого учения.

Видеть поругание святыни тяжело для того, кто верует в эту святыню. А кто мог более искренне, глубоко и полно веровать во всякое слово Христово и в те новые, высочайшие взгляды, которые принес Он людям, как не Она, Пренепорочная Богоматерь? И выразить свою любовь к Нему Богоматерь ничем не могла в более полной мере, как этим стоянием у креста.

Следуя естественному порыву женского сердца, Она бросилась было после осуждения Христа к Пилату просить пощады, в чем получила отказ, и, может быть, поняла уже тогда, что это было излишне и что это событие, от века предреченное, должно было совершиться.

Слов утешения не было, происходившее было слишком велико и ужасно, чтобы обнять его словами. Она молча стояла и молча сочувствовала, и, как ни велико было страдание Христово, это присутствие Богоматери, конечно, облегчало муку Распятого.

Здесь, в этот заветный час, совершилось великое таинство Христово: усыновление Богоматери Христом рода человеческого.

Быть может, думая о надвигающейся смерти Божественного

Сына, Богоматерь, изливавшая до сих пор на Него всю полноту и силу Своей неизмеримой любви, скорбела о Своем одиночестве и о том, что Ей некого будет больше так любить, не о ком будет больше так заботиться. И вот Господь взглянул на Нее Своим страдающим взором и произнес заветное слово, указывая глазами на любимого ученика Иоанна, единственного из всех учеников открыто остававшегося при Иисусе и находившегося в ту минуту при кресте: «Жено, се сын Твой!» и ему: «Се Мати твоя!»

В лице Иоанна усыновлен Богоматери весь род человеческий. Христос как бы говорил Ей: «Я ухожу, Меня более на земле Ты не будешь видеть, не раздастся Тебе Мой сыновний привет, к которому Ты так привыкла; Твои пречистые руки не соткут более для Меня цельного хитона. Отойдя на небо, не буду Я уже нуждаться в Твоей помощи и заботе, но вместо Меня прими в Свое сердце, расширенное таким страданием, другого сына: всех тех людей, которые ради Меня придут к Тебе, ради Меня будут звать Тебя и по вере в Меня и по Моему слову сочтут Тебя своей Матерью. Для них делай то, что Ты делала для Меня, в Своей безграничной заботе всегда готовая на самопожертвование; для них делай и больше, чем для Меня! По Божественности природы Моей не познав зла, Я не мог причинить Тебе никакой скорби, между тем как те, которых Я поручаю Тебе, будут непослушны, ленивы, грешны и часто даже восставать на Меня будут и вновь распинать Меня, обращая тем самым вонзенное в Твое сердце оружие... Но все им прости безграничной, всепрощающей, греющей любовью матери и, как бы грешны они ни были, люби их всех так, как еще ни одна мать не любила своих детей! В этом будет отныне жизнь Твоя, и, как Сам Я был воплощенная Любовь, так хочу, чтобы и Ты показала людям такие вершины любви, до которых раньше никогда не достигало человеческое сердце...»

Этот момент в жизни Богоматери был не менее велик, чем час Благовещения, возвестивший Ей об избрании Ее, как орудия воплощения Божия.

Казалось бы, после смерти Христовой судьба Богоматери должна была уподобиться судьбам других матерей, утративших сыновей, — безграничная скорбь по почившем, вся жизнь, ушедшая в воспоминания; между тем, Ее великой, молчаливой и сосредоточенной душе был открыт теперь новый подвиг — печалования за человечество.

Давая Своей Матери обязанности материнства, Господь давал Ей и великое право этого материнства.

Указывая на род человеческий, грешный, падший, рвущийся к

небу и в то же время малодушно, бессильно приникающий к земле, жаждущий веры и томящийся в отрицании, Господь давал Ей тем самым и право молитвы, и обещание, что будет услышана эта молитва Ее за этих падших, слабых и вечно нуждающихся в помощи, заступлении и пощаде.

В момент величайшего Своего страдания давая всякому человеку, уверовавшему в Него, право на родство материнства с Своею Матерью, Господь этим самым как бы братался с человечеством и придавал христианству элемент необыкновенной теплоты, сердечности и благодати.

Действительно, Богоматерь стоит в христианстве невыразимо отрадным явлением, незаходимая Надежда ненадежных, погибших Взыскательница, грешных Спасительница, за всех Ходатаица, Которая не отступит в ходатайстве Своем даже в страшные часы последнего суда Христова!

Есть великолепная картина великого русского художника Васнецова — «Страшный суд», изображенная на западной стене Киево-Владимирского собора. Все дышит в ней ужасом страшного видения — ангела суда со сдвинутыми бровями, с запечатанным тяжелой печатью свитком, где запечатлены все дела человеческие. Непреклонен вид восседающего в великой славе на Престоле Христа, протянувшего вперед руку с письменами учения Своего!

Все дышит ужасом. Стоявший на коленях с сознанием благовестия своего Иоанн Предтеча склонил главу: теперь проповедь покаяния не поможет... Весь этот ужас и непреклонность смягчает лишь отрадное явление: близко-близко к плечу Сына Своего склонилась Богоматерь и шепчет Ему мольбу о милости и пощаде...

И устоит ли грозный Судия против мольбы Той, Которая за Него столько страдала, так много для Него сделала и Которой Он Сам поручил этот бедный род людской, чтобы за него молиться и его спасать?

Никакое слово не опишет состояния души Богоматери в последние минуты жизни Христа, не передаст это сложное чувство скорби, ужаса и содрогания при виде необыкновенных знамений природы, когда среди белого дня померкло солнце и тьма была над всей землей, и факелы, дымясь, бросали трепетный отсвет на страдающий Лик Распятого Богочеловека, — эту раздираемую, невыносимую муку души, чувство, быть может, радости, что великий подвиг совершен, что искупление стало воплотившимся делом, что наступает новая жизнь.

Глава 6. Жизнь Богоматери по Вознесении Христовом

Сион, — имя, часто упоминаемое в приложении к той «горнице», в которой, по-видимому, соединялись ученики Христовы по распятии Его, — представляет южную из возвышенностей, на которых лежит Иерусалим. Царь Давид укрепил его, выбрал местом постоянного жилища, устроил новую Скинию, в которую перенес Кивот Завета.

Евреи считали Сион горой Божией, святой, и хотя впоследствии храм иерусалимский, заменивший Скинию, был воздвигнут на горе Мориа, но Сион продолжал считаться священным.

Доселе на Сионской возвышенности указывают заветную «горницу Сионскую», явившуюся первым храмом священных событий. Тут Господь воскресший дважды являлся ученикам при затворенных дверях, тут был избран, по Вознесении Его, на место предателя Иуды новый апостол Матфей; в той же горнице были собраны верующие, когда в день Пятидесятницы сошел на них Св. Дух. По преданию, около этой горницы находился дом св. Иоанна Богослова, где по воле Господа жила Пресвятая Богородица. Сюда приходили к Ней ученики Христовы, и вместе говорили они о всем пережитом за последнее время. Она рассказывала им о детстве и юности Христа, вместе вспоминали они дни страданий и смерти Его, и должно было казаться верующим, видевшим в своей среде Богоматерь, что Ее устами говорит Сам Христос.

Господь перед Вознесением повелел апостолам пребывать в Иерусалиме, и 120 человек христиан проводили все свое время в непрестающей молитве, готовясь принять обещанного Утешителя. До смерти Христа мы не видим Богоматери среди Его учеников — Она стояла как бы в стороне; теперь же Она стала как бы средоточием молодой христианской общины.

В день «пятидесятный» Богоматерь находилась вместе с апостолами и другими верующими. В третий час дня произошел шум как бы от бури, наполнившей весь дом, и в виде разделяющихся огненных языков на каждого из апостолов сошел Св. Дух.

Получив теперь обетованного Утешителя и Вдохновителя, апостолы, во исполнение слова Христа: «шедше, научите вся языки», — разошлись с проповедью по вселенной, причем время от времени возвращались в Иерусалим. Богоматерь же пребывала с усыновленным Ей апостолом Иоанном, и любимый ученик Христов служил Ей с нежностью сына и бесконечной преданностью. Только раз, получив с апостолом Петром

поручение сходить в Иерусалим, чтобы призвать Св. Духа на новопросвещенных, он расстался с Богородицею, но потом уже не покидал Ее в Иерусалиме до самого конца дней Ее.

Радуюсь подвигам апостолов, Пресвятая Богородица Сама никогда не выступала с проповедью. В этом была Она высочайшим образцом смирения, молчаливости. Она усердно служила бедным, подавала нищим, ухаживала за больными, пеклась о сиротах и вдовах. Но главная жизнь Ее была в молитве у гроба Сына. Хотя душа Ее стремилась к скорейшему соединению с Иисусом, Господь до укрепления церкви Своей оставил Ее на земле еще в течение нескольких десятков лет.

Последний раз является Богородица в евангельском повествовании в «горнице Сионской» в день сошествия Св. Духа; далее о Ней говорят уже предания.

С Ее именем связано чудо появления нерукотворенного образа в лиддском храме. Предание это таково: апостолы Петр и Иоанн, придя в Самарию, проповедывали там Евангелие и соорудили в городе Лидде храм во имя Пречистой Девы; затем, вернувшись в Иерусалим, умоляли Богородицу освятить этот храм Своим присутствием, чтобы молитвы, приносимые там Богу, были для Него приятнее. Пресвятая Дева сказала апостолам на их просьбу: «Идите и радуйтесь: Я буду там с вами». Придя в Лидду, они нашли в новозданном храме, на одном из внутренних столпов его, неизвестно кем изображенный образ Преподобной Девы. На этом образе лик Ее и подробности одежды были сделаны чрезвычайно живо, с величайшим искусством. Затем прибыла в Лидду и Пресв. Дева; увидев образ Свой, окруженный молящимся народом, Она возрадовалась духом и дала этой иконе Свою благодатную силу.

Когда все апостолы, кроме Иакова, епископа Иерусалимского, разошлись по вселенной в страны, указанные кинутым ими жребием, тогда и Богородица отправилась в Эфес, выпавший по жребию Иоанну. Посетила она, по преданию, Игнатия Богоносца в Антиохии и Лазаря Четверодневного, друга Христова, на острове Кипре, где он был епископом. Лазарь, которого апостол Варнава рукоположил во епископа, сильно сокрушался тем, что давно не видал Богородицы, — сам же он не мог придти в Иерусалим, так как против него злоумышляли иудеи, хотевшие некогда убить его, как живое свидетельство чудодействующей силы Христовой. Богородица узнала о желании Лазаря и написала к нему утешительное послание, в котором просила его прислать за Ней корабль, обещая Свое посещение. Можно представить себе радость Лазаря при получении послания Богородицы и удивление его смирению

Пресвятой Девы!

Корабль был поспешно снаряжен и послан за Богоматерью, и Пречистая Дева в сопровождении Иоанна и еще нескольких спутников поплыла к Кипру. Плавание сперва шло благополучно, и корабль быстро прорезал Средиземное море.

Уже незадолго до Кипра поднялся вдруг сильный ротивный ветер, корабль не мог управляться силой корабельщиков, его била буря, и пришлось оставить его на волю Небесного Кормчего. Корабль загнало в Эгейское море, и, промчавшись между многочисленными островами Архипелага, он без малейшего повреждения пристал к берегам Афонской горы.

В этом неожиданном происшествии Богоматерь видела особую волю Божию и вышла на берег неведомой страны.

Гора Афон была полна в то время идольскими капищами, из которых особенно выдавался громадный рам Аполлона, где совершались разные волшебства, гадания и языческие волхвования.

Едва корабль, на котором следовала Пречистая Дева, приблизился к Афонским горам, как злые духи, обитавшие в горах, принуждаемые небесной силой, вдруг громко вскрикнули: «Люди, обольщенные Аполлоном, бегите с горы и идите к пристани встретить Марию, Матерь Великого Бога Иисуса!» Народ бросился к берегу моря и увидал там приставший корабль с сходящей с него благолепной Женой.

Со страхом и трепетом приблизились они к Богоматери и стали расспрашивать Ее, как Она родила Великого Бога, как Его зовут и где Он находится.

На их вопросы Богоматерь рассказала им тайну воплощения Господа Иисуса Христа, открыла им евангельское учение, описала страдания Сына Своего, Его смерть, Воскресение и восшествие на небо. Необыкновенная сила была в словах этой чудной Проповедницы христианства, и проповедь Ее произвела на народ такое впечатление, что все слушавшие тотчас же пожелали принять крещение. Богоматерь сотворила здесь много чудес, которые окончательно укрепили веру новообращенных.

Оставляя Афон, Богоматерь, благословляя народ, изрекла пророчество: «Это место да будет Моим жребием, данным Мне от Сына и Бога Моего. Да почиет благодать Моя над живущими здесь с верой и благочестием и сохраняющими заповеди Сына и Бога Моего. Они будут иметь в изобилии и с малым трудом

все необходимое для земной жизни, и не оскудеет к ним милость Сына Моего. До скончания века Заступницей Я буду месту этому и Ходатаицей о нем пред Богом Моим». Затем Богоматерь села на корабль и продолжала путь к Кипру.

Лазарь, не получая никаких сведений о Богоматери, находился в величайшем беспокойстве. Но вскоре безмерная радость сменила его печаль. Он увидел, наконец, Ту, к Которой так давно стремился, и с великим ликованием встретил чудную Гостью.

Богоматерь рассказала ему о всем происшедшем со времени Ее отъезда из Иерусалима, причем с особой радостью передавала об успехе Ее проповеди на Афоне.

Одно церковное предание говорит, что вместе с апостолом Андреем Богоматерь посетила малоазийский город Эфес. Впоследствии там были воздвигнуты храмы во имя Богоматери, и в одном из них в 431 г. происходил III Вселенский собор, защитивший почитание Приснодевы против ереси Нестория.

Дионисий был знаменитый гражданин афинский. Благодаря знатному происхождению, выдающимся дарованиям и учености своей, он достиг высших правительственных ступеней. Услыхав проповедь ап. Павла, он принял христианство. В письме к ап. Павлу он так описывает свое впечатление от свидания с Богоматерью:

«Вождь и начальник наш, — пишет он, — свидетельствуюсь Богом, что, кроме Самого Бога, нет никого во вселенной в такой мере исполненного Божественной силы и благодати. Никто из людей не может постигнуть своим умом то, что я видел и уразумел не только душевными, но и телесными очами. Исповедую пред Богом: когда я Иоанном, сияющим среди апостолов, как солнце на небе, был приведен пред лице Пресвятой Девы, я пережил невыразимые чувства. Предо мной заблестало какое-то Божественное сияние. Оно озарило мой дух, я чувствовал благоухание неописуемых ароматов и был полон такого восторга, что ни тело мое немощное, ни дух не могли перенести этих знамений и начатков вечного блаженства и небесной славы. От Ее благодати изнемогло мое сердце, изнемог мой дух. Если б у меня не были в памяти твои наставления, я бы счел Ее истинным Богом. Нельзя себе и представить большего блаженства, чем то, которое я тогда ощутил».

Свидетельство о том, как стремились к Богоматери тогдашние христиане, мы находим также в послании из Антиохии Игнатия Богоносца к Иоанну Богослову.

«Много жен у нас, — писал Игнатий, — желают видеть Матерь Иисусову и только о том и думают, как бы проехать к вам. У нас проходит о Ней слава, что Она преисполнена всяких добродетелей и благодати: тверда в гонениях и бедах, не скорбит в нищете и недостатках, не гневается на озлобляющих Ее, но благодетельствует им, помогает бедным, сколько может, особенно любит смиренных и Сама смиренна со всеми. Терпелива Она пред насмешками, которыми осыпают Ее еврейские учителя и фарисеи. Достойные доверия люди поведали нам, что в Марии, Матери Иисусовой, по Ее великой святине, человеческое естество кажется соединенным с ангельским. И все такие слухи возбудили в нас безмерное желание видеть это (выражусь так) небесное чудо».

Можно думать, что Господь Иисус Христос оставил на земле Пречистую Свою Матерь в живых на такой долгий срок для того, чтобы в Ее присутствии, Ее попечениями и молитвами умножилась земная церковь, утвердилась и получила дерзновение стоять до крови за Господа Своего.

Всех Богоматерь укрепляла, всех утешала утешением великим, духовным, за всех молилась. Когда св. апостолы были брошены в темницу, Она приносила усиленные к Богу молитвы и внимала посланному ангелу Господа, который ночью отворил им темничные двери и вывел их. Когда первомученик Стефан был веден на смерть, Она следовала издалека; когда же его побивали камнями в долине Иосафатовой, при потоке Кедронском, Она со св. Иоанном, стоя неподалеку на холме и смотря на кончину мученика, прилежно молилась Богу, чтобы Он укрепил его в страдании и принял его душу в Свои руки.

1 Богоматерь прожила на этой земле около 70 лет.

Когда Савл гнал и озлоблял церковь, Богоматерь возносила об этом гонителе столько теплых и слезных к Богу молитв, что сделала его из хищного волка кротким агнцем, из супостата — апостолом, из гонителя — учеником Господа и учителем вселенной.

Каких благодеяний ни получила первенствующая церковь, как младенствующее чадо от своей матери, от Пречистой Богородицы! Какой ни почерпнула благодати, как от вечно текущего источника, пока, по Ее тщанию, воспитанная и возвращенная Ее благодатью, не пришла в меру мужественного возраста и не укрепилась настолько, что ее не смогли одолеть «врата адовы»!

И сбылось тогда слово пророка Давида: «Мать веселящаяся о

чадах...» Ежедневно прибавлялись к первенствующей церкви духовные дети: в начале проповедью апостола Петра присоединилось к ней три тысячи, затем 5 тысяч, а потом — без числа.

Апостолы, возвращаясь после проповеди по вселенной в Иерусалим, рассказывали Богоматери, как распространяется в мире Христова церковь, и Она, слушая эти рассказы, радовалась духом и воздавала хвалу Своему Сыну и Богу.

Древние предания сообщают нам и некоторые данные о внешности и характере Пресвятой Девы.

Она была молчалива: говорила мало и лишь самое необходимое, но с большим вниманием выслушивала то, с чем обращались к Ней другие. Она была приветлива и почтительна в обращении с людьми. У Нее были светлые волосы, острый взгляд глаз под черными бровями. Форма лица не круглая и не острая, а продолговатая. Пальцы рук Ее были длинны. Одежда Ее была чрезвычайно простая, чтобы не сказать: бедная. Всякое слово Ее дышало благодатью. И даже, когда Она беседовала с людьми, казалось, что Она беседует с Богом. Она много работала, любимым же Ее занятием было чтение...

Глава 7. Успение Богоматери

Всем существом Своим Пречистая Дева стремилась к небу. Чем ближе подходила Она к вожделенному переходу в миры иные, тем сосредоточеннее становилась Ее всегда молчаливая и углубленная в Себя душа.

Молитва служила Богоматери средством для постоянного общения с Сыном. И вся жизнь Ее полна была непрерывающей молитвы. Целые дни, целые ночи проводила Она, молясь в винограднике Гефсиманском, и кто расскажет, какими озарениями просветлялась в эти часы молитвы Ее великая душа, какую весть сердце Христово подавало сердцу Марии, безропотно томившемуся в разлуке с Божественным Сыном?

Можно догадываться, о чем была молитва Матери Божией. Молилась Она, вероятно, о процветании христианского дела, о тех церквях верующих, которые под влиянием проповеди апостолов, обходивших вселенную, основывались в разных странах мира. Но, вероятно, более всего молилась Она о том, чтобы скорее разрешиться от уз плоти и вознестись к сладостному лицезрению и вечному стоянию пред Своим Божественным Сыном.

Однажды, когда Богоматерь молилась, явился пред Нею с

лицом, сияющим радостью, архангел Гавриил. Он был служителем Девы с самого детства Ее, питателем Ее во «Святом Святых», благовестником воплощения чрез Нее Бога и во все дни жизни Ее неотступным Ее хранителем. Архангел принес Ей от Господа радостную весть о скором Ее преставлении, которое, как он сказал, должно было произойти через три дня.

По другим преданиям, архангел Гавриил явился Богоматери перед Ее кончиной два раза: в первый раз за пятнадцать и второй раз за три дня до Успения. В этот последний раз архангел вручил Деве райскую финиковую ветку. На Елеонской горе, неподалеку от вершины, с которой Христос вознесся на небо, доселе паломникам и путешественникам показывают то место, где Богоматерь приняла от небесного посланника счастливую весть о приближении Своего Успения.

Архангел говорил Пречистой Деве, чтобы Она не смущалась принесенной им вестью, но приняла ее с веселием, так как Она переходит к бессмертной жизни, чтоб вечно предстоять бессмертному Царю славы. Он говорил: «Тебя ждет Сын Твой и Бог наш, с архангелами и ангелами, с херувимами и серафимами, со всеми небесными духами и душами праведных. И возьмет Он Тебя, Матерь Свою, в горнее царство, да живешь Ты и царствуешь с Ним бесконечные веки».

Пресвятая Дева должна была восторжествовать над смертью. Как бессильной оказалась над Ней смерть душевная, так же не могла возобладать над Ней и смерть телесная. Уснув на короткое время смертью, как бы сном, вскоре Она должна была воспрянуть от смерти, как от сна, и, отрясши гробовую мертвенность от очей, как сонную дрему, увидеть бессмертную в свете лица Господня жизнь и славу.

В знамение всего этого благовествующий архангел подал Пресвятой Деве райское произрастание. То была ветвь финикового дерева, сияющая светом небесной благодати. Эту ветвь должны были нести пред погребальным одром Богоматери во время проводов к могиле пречестного и пречистого Ее тела.

Что могло быть для Богоматери радостнее, чем жить в небесах со Своим Богом и Сыном и всегда наслаждаться зрением Его Божественного лика? Поэтому в благовестии архангела сошла в Ее сердце великая радость. Она поклонилась до земли и всей полнотой сил Своих возблагодарила Творца Своего, говоря: «Не была Я достойна, Владыко, принять Тебя во утробу Мою, если б не Ты Сам помиловал рабу Твою. Но Я сохранила сокровище, которое Ты Мне доверил. И ради того Я молюсь

Тебе, Царь славы, чтоб Мне не повредила область геенская. Небеса и ангелы всегда трепещут пред Тобой: как же не трепетать пред Тобою человеку, созданному из земли и не имеющему в себе ничего доброго, кроме того, что он получит от неизреченной благодати Твоей? Ты еси Господь и Бог, всегда благословенный во веки».

Пречистая Дева желала видеть при Своем преставлении святых апостолов, разошедшихся с проповедью по вселенной, и не видеть в час исхода Своего князя тьмы и страшилищ его. Она молила Сына Своего и Господа о том, чтобы были исполнены эти Ее желания, молила Его о том, чтобы Сам Он, придя с небес со святыми Своими ангелами, принял Ее святую душу в Свои Божественные руки, как обещал Ей это прежде.

Так молилась Богоматерь. И во время молитвы Ее на горе Елеонской, когда преклоняла Она Свои колена пред Богом, совершалось чудное знамение: масличные деревья, как одушевленные существа, совершали поклонение вместе с Ней, пригибая свои вершины и выражая тем свое благоговейное служение Матери Бога. И когда Пресвятая Дева вставала после каждого поклона, тогда деревья, как бы подражая Ее движениям, опять выпрямлялись.

Когда Богоматерь после этой последней молитвы Своей в винограднике гефсиманском вернулась домой, все были потрясены непостижимо окружавшей Ее Божественной силой и славой. Лик Ее и раньше всегда сиял благодатью ярче лица Моисея, беседовавшего некогда с Богом на Синае; но теперь он просветился еще больше невыразимой небесной славой.

Пречистая стала готовиться к исходу.

Прежде всего Она рассказала о бывшем Ей откровении усыновленному Ей возлюбленному Иоанну и показала ему данную архангелом светоносную ветвь, завещав при этом, чтобы он нес эту ветвь перед Ее погребальным одром. Затем Она объявила о Своем скором исходе и другим людям, жившим в том доме и Ей служившим. Она приказала украсить храмину и одр, окадить все кадилами, расставить и зажечь множество свечей и приготовить все нужное для погребения. Иоанн поспешно отправил посланных к святому Иакову, брату Господню, первому Иерусалимскому епископу, и ко всем родственникам и близким лицам Божией Матери, извещая о приближившемся Ее преставлении и называя самый день преставления. Святой же Иаков разослал весть о том всем верным, находившимся в Иерусалиме, а также в окрестных городах и селениях. Со святым Иаковом сошлись к Богоматери со всех сторон все родственники Ее и многое множество

верных обоего пола. И всем Пресвятая Дева рассказывала слышанные Ею от ангела слова о переселении Ее на небо и в уверение этих слов показывала финиковую ветку, принесенную Ей из рая благовестником Гавриилом и сияющую, как солнечный луч, светом небесной славы.

Все собравшиеся к Пречистой Деве, слыша из пресвятых Ее уст эту весть о кончине Ее, плакали. Дом наполнился рыданиями и стонами. И все молили милосердную Владычицу, как общую всем Мать, не оставить их в сиротстве.

— Не плачьте, — говорила им Богоматерь, — но радуйтесь об исходе Моем. Теперь, когда Я предстану ближе к Божию престолу и лицом к лицу буду видеть Моего Бога и Сына, Мне удобнее будет молиться о всех и, беседуя с Ним уста к устам, умиловать Его благостыню. По Моем преставлении Я не оставлю вас в сиротстве — не только вас, но и весь мир. Я буду посещать и охранять вас и помогать бедствующим.

Такими утешительными словами Богоматерь успокаивала окружавший Ее и плакавший народ, утоляя его печаль. Она распорядилась, чтобы две Ее ризы — единственное Ее имущество — были отданы двум нищим вдовицам, которые служили Ей с усердной любовью и получали от Нее пропитание. О пречестном теле Своем Она завещала, чтобы его положили в селении Гефсиманском, близ Иерусалима, у горы Елеонской, где были схоронены праведные родители Ее и Иосиф Обручник. Внезапно раздался сильный шум, вроде раскатов грома, и множество облаков окружило тот дом. По Божию повелению, ангелы Господни внезапно восхитили святых апостолов из дальних мест, принесли их на облаках в Иерусалим и поставили на Сионе, пред дверями дома Пресвятой Богородицы. Увидя друг друга, они и радовались, и удивлялись, недоумевая, по какой причине Господь собрал их вместе. К ним вышел апостол Иоанн Богослов и, со слезами приветствуя их, объявил им о близком отшествии Пресвятой Богородицы из земной жизни. Святые апостолы поняли, что Господь для того собрал их из разных концов вселенной, чтобы они присутствовали при кончине Пречистой Его Матери и с честью похоронили Ее пресвятое тело. Апостолы скорбели о предстоящем разлучении с Пресвятой Девой Марией.

Войдя все в дом, они увидели Богоматерь спокойно сидящей на одре, исполненной духовного веселия. Приветствуя Ее, они говорили:

— Благословенна Ты от Господа, сотворившего небо и землю.

И сказала им Пречистая:

— Мир вам, братья, избранные Господом.

Затем Она стала расспрашивать их, как они пришли в Иерусалим. Они рассказали, как восхитила каждого из них Божия сила и на облаках принесла в Иерусалим. Пречистая Дева прославила Бога за то, что Он услышал молитву Ее и исполнил желание сердца Ее. Она сказала им:

— Господь принес вас сюда в утешение души Моей, которой предстоит разлучиться от тела. Должно Мне отдать естественный долг смерти, ибо уже приблизилось время, определенное Мне от Создателя Моего.

Апостолы в скорби отвечали Ей:

— Пока, Ты, Владычица, пребывала в мире, мы утешались, как бы видя в Тебе Самого Господа и Учителя нашего. Теперь же как перенесем жалость и скорбь сердца нашего, лишаясь сопребывания Твоего с нами? Но так как Ты, изволением родившегося от Тебя Христа Бога, переходишь в горний мир, то мы радуемся исполнению над Тобой этого Божия определения, скорбим же о нашем сиротстве, что больше не увидим здесь Тебя, Матерь и Утешительницу нашу.

— Не плачьте, друзья и ученики Христовы, — отвечала им Богоматерь, — и вашим сетованием не растворяйте Моей радости; но радуйтесь со Мной, что Я отхожу к Сыну и Богу Моему. Вы же тело Мое в том самом виде, как Я убрала его, отнесите в Гефсиманию и предайте обычному погребению, затем возвращайтесь к делу вашей проповеди. Меня же, если будет на то воля Божия, вы можете увидеть после смерти Моей.

В это время к одру Богоматери предстал божественный Павел, первоверховный апостол, и вдохновенными устами своими стал ублажать Богоматерь.

— Радуйся, — говорил он, — Матерь жизни и вдохновение проповеди моей! Если я не насладился на земле лицезрением Христа Господа моего во плоти, прежде Вознесения Его на небеса, то, когда на Тебя смотрю, кажется мне, что Его вижу.

Прибыли со святым Павлом и его сотрудники в деле благовествования: Дионисий Ареопагит, Иерофей дивный и Тимофей, также и прочие из числа семидесяти апостолов. Всех их собрал Дух Святой, чтобы всем им сподобиться благословения Пресвятой Девы Марии и чтобы с большей честью совершилось Ее погребение. Она же, подзывая каждого

из них к Себе по имени, благословляла их и ублажала веру их и труды, понесенные ими в благовествовании Христовом; желала каждому вечного блаженства и творила Богу моление о благоденствии всего мира и о мирной жизни его.

Настал пятнадцатый день месяца августа; приблизился тот ожидаемый благословенный час (третий дня, по-нашему — девятый), в который должно было совершиться преставление Пресвятой Богородицы.

Было зажжено много свечей, и апостолы творили славословие. Пренепорочная Дева лежала на украшенном одре, готовясь к блаженному исходу, ожидая пришествия к Себе Самого желанного Сына и Господа Своего. И вот внезапно свет Божественной неисповедимой славы облистал храмину, и померкли в нем огни свечей. В ужасе были все те, кому открылось это видение. Крыша храмины казалась раздвинувшейся, и с неба спускалась слава Господня. И вот Царь славы Христос с тьмами архангелов и ангелов, со всеми небесными силами и с праведными душами святых праотцев и пророков, некогда предвозвестивших о Пресвятой Деве, приближался к Своей Пречистой Матери. Она же, видя схождение Сына Своего, с радостью воззвала словами некогда воспетой Ею песни, говоря:

— Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе, Спасе Моем, яко призре на смирение рабы Своея...

И приподнялась Она от одра, как бы стремясь навстречу к Нему, и поклонилась Господу Своему. Он же, приблизясь к Ней, смотрел на Нее взором любви и благоволения и говорил Ей:

— Приди, ближняя Моя, приди, голубица Моя, вступи в хранилище вечной жизни.

Поклонясь Ему, Мария произнесла:

— Благословенно имя славы Твоей, Господь Бог Мой, благоволивший избрать Меня, смиренную рабу Твою, чтобы послужить таинству Твоему! Помяни Меня, Царь славы, в бесконечном царствии Твоем. Ты знаешь, что Я всем сердцем Моим возлюбила Тебя и соблюла вверенное Мне Тобою сокровище; теперь же прими в мире дух Мой и огради Меня от области тьмы, чтобы не испытать Мне сатанинского нападения.

Господь же, утешая Ее сладчайшими словами, уговаривал Ее не бояться сатанинской силы, которая уже попрана Ее ногами,

и с любовью призывал Ее дерзновенно перейти от земли к небу. Она радостно отвечала:

— Готово сердце Мое, Боже, готово.

И произнесла вновь слово, произнесенное Ею некогда при Благовещении:

— Да будет со Мною по глаголу Твоему!

После этого Богоматерь возлегла на одре, неизречно радуясь, что видит пресветлое лицо Сына и Господа Своего. Сладостная любовь к Нему и невыразимая радость переполняли сердце Марии. И в порыве этих чувств Она предала Свою пречистую душу в руки Сына Своего без всякого телесного страдания, как бы уснув тихим, благодатным сном.

И Тот, Кого Она зачала без греха и родила без болезни, безболезненно принял пречестную душу Ее из святого тела и не дал ему истления. И началось тогда радостное и сладкое ангельское пение, в котором слышны были часто повторяемые слова, принесенные некогда Деве Назарета с неба архангелом Гавриилом: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою, благословенна Ты в женах!...»

Так, торжественно провожаемая всеми небесными чинами, несомая на руках Господа, душа Мариа-ми тихо вознеслась в горние селения...

Апостолы, сподобившиеся видеть это дивное зрелище, провожали Богоматерь умиленными взорами, как некогда провожали взорами Господа, возносившегося на небо с горы Елеонской, и долго стояли они, исполненные священного трепета и радости, как будто забывшись. Потом, придя в себя, они поклонились Господу, в такой славе вознесшему душу Матери Своей на небо, обступили одр со слезами и увидали, что пресвятой лик Мариами сияет, как солнце; от пречистой плоти Ее исходило превосходящее всякие земные ароматы благоухание, какого описать не может человеческий язык.

Все они лобызали это пречистое тело со страхом и благоговением, воздавая ему почести, и освящались от прикосновения к нему, чувствуя в сердцах своих великую духовную радость, происходившую от благодати Пречистой Богородицы.

Тут стали подаваться исцеления больным: у слепых открывалось зрение, глухие слышали, хромы получали свободное движение, нечистые духи оставляли людей, и

всякого рода болезни врачевались тотчас от одного прикосновения к одру усопшей Матери Божией.

Среди таких обстоятельств началось шествие к погребению святого тела Марии. Св. Петр со св. Павлом и св. Иаковом, братом Господним, и с прочими апостолами подняли на плечи одр, а св. Иоанн Богослов нес перед одром светящуюся райскую ветвь. Прочее же собрание святых и народное множество со свечами и кадилами шли вокруг и пели; ап. Петр начинал, а прочие после него согласно подпевали. Пели псалом Давидов в честь исхода израильского из Египта и к каждому стиху прибавляли слово «аллилуиа». Так же пелись и другие торжественные и благодарственные псалмы и песни, и Дух Святой действовал в устах поющих.

С такой славой переносимо было принявшее Бога тело Пречистой Девы от Сиона через Иерусалим к селению Гефсиманскому.

Над одром и над провожающими образовался облачный круг, подобный венцу, обширный, светлый и озаренный чрезвычайным сиянием, и слышно было на облаках удивительно сладкое ангельское пение, наполнявшее воздух, и пение это расходилось по земле так, что все его слышали.

Этот облачный, венцеобразный круг с ангельским пением шел по воздуху, двигаясь за телом Богоматери.

Во время шествия произошло внезапное замешательство.

Народ иерусалимский, состоявший из неверующих иудеев, услышав странное пение и видя торжественное шествие с телом Марии, выходил из домов и следовал за шествием за город, удивляясь столь великой славе и чести, которую воздают телу Матери Иисуса.

Архиереи же и книжники, узнав об этом и исполнившись зависти и гнева, послали слуг и воинов и возбудили многих из народа, чтобы те, напав с оружием и дрекольями, разогнали людей, провожавших тело Марии, избили учеников Иисусовых, а самое тело Богоматери предали огню.

Когда люди, решившиеся на такое злодеяние, вооружившись, как на битву, бросились на шествие, — внезапно облачный круг, который шел по воздуху, склонился к земле, окружил и оградил, как стеной, собор св. апостолов и всех бывших с ними, так что только раздавалось их пение, а самих их за облаком не было видно.

Святые ангелы, невидимо парившие над пречистым телом и ликом верных, поразили слепотой этих злодеев, одни из которых разбили себе головы о городскую стену, другие же, не зная, куда идти, ощупывали стены и искали проводников.

Один из иудейских священников, именем Афония, шел в это время тем путем. По Божию смотрению, как раз в эту минуту облачный круг поднялся опять в высоту, и Афония увидел св. апостолов и множество верных, со свечами и с пением псалмов окружавших одр Пресв. Богородицы. Он распалился ненавистью, в нем разгорелась прежняя злоба на Господа, и он сказал: «Тело это, которое родило того Лыстеца, что разорил закон отцов наших, получает такую почеть!» Будучи крепок телом, он неистово, с великой яростью бросился к одру, желая повергнуть на землю пречистое тело Владычицы, и, когда дерзостные руки его коснулись одра, то внезапно были отсечены, как будто невидимым, невещественным мечом отмщения Божия, и остались прикрепленными к одру, сам же Афония пал с криком: «Горе мне, горе!»

Познав грех свой, он каялся и звал к апостолам: «Помилуйте меня, рабы Христовы!»

Тогда апостол Петр приказал ему стать рядом с одром и сказал: «Вот ты получил то, чего хотел; пойми же, что Бог отмщения постоял за Себя. Мы не можем исцелить тебя от твоей язвы. Исцелить тебя может только Тот, на Которого вы неправедно восстаете и Которого вы убили, — Господь наш, но и Он не захочет подать тебе исцеление, если ты раньше не уверуешь в Него всем сердцем и не исповедуешь устами, что Иисус есть истинный Мессия, Сын Божий». Афония воскликнул: «Верую, что Он есть предвозвещенный пророками Спаситель мира — Христос. Мы и раньше признавали в Нем Сына Божия, но, помраченные злобой и завистью, не хотели исповедывать Его Богом и подвергли Его невинно смерти. Он силой Божества воскрес в третий день, исполнив стыда всех нас, ненавистников Своих; мы старались утаить Его Воскресение и для этого подкупали сторожей, но не могли пресечь славы Господней и повсюду расходившихся слухов об этом чуде».

Так исповедывал Афония свои былые преступления и каялся в только что соделанном дерзостно грехе своем.

Св. апостолы и верные радовались, как радуются ангелы о кающемся грешнике, и Петр приказал Афонии, чтобы он усеченные руки свои приложил к висевшим при одре частям их и с верою призвал имя Пречистой Девы Богородицы. Когда Афония сделал это, отсеченные руки внезапно утвердились на

своем месте, суставы их срослись, и они оказались совершенно здоровыми. Только остались на них знаки отсечения, как красная нить, окружающая тело у локтя.

Пал тогда Афония перед одром, поклоняясь Рожденному от Пречистой Девы Христу Богу, и долго восхвалял громкими похвалами Богоматерь, приводя ветхозаветные пророчества о Ней.

Весь народ удивлялся чудесному исцелению невидимо отсеченных у Афонии рук и мудрым его словам, которыми он восхвалял Христа Бога и Пречистую Богородицу. Присоединившись к св. апостолам, Афония пошел за несомым в Гефсиманию одром. И те из слепых, которые познали свои согрешения, с покаянием пошли за своими провожатыми к одру Богоматери и с верою прикасались к нему, тотчас получали прозрение от слепоты своей.

Общая Матерь людей Пресвятая Владычица как рождеством Своим принесла радость всей вселенной, так и в успении не хотела никого опечалить, но всех, даже врагов Своих, милостиво утешала благодатию и благостыней Своей, как «благого Царя благая Мати».

Св. апостолы, дойдя со всем множеством верных до Гефсимании, поставили одр с пречистым телом при гробе. В народе поднялся великий плач, все рыдали о сиротстве своем, о том, что лишаются великого сокровища, и, припадая к телу Пресв. Богородицы, обнимали, лобызали и омывали его слезами, воздавая ему последнее целование.

Когда к вечеру положили тело во гроб и привалили к пещере тяжелый камень, то долго не в силах были отступить от гроба, как бы прикованные к нему любовью к Богоматери. Три дня св. апостолы оставались в этом селении, совершая при гробе Пречистой Девы день и ночь псалмопения, и в течение всего этого времени слышно было в воздухе пресладкое пение небесных воинств, поющих и хвалящих Бога и ублажающих Богоматерь.

По Божию усмотрению, один из св. апостолов, именно Фома, не был на погребении тела Пресвятой Богородицы и прибыл в Гефсиманию лишь на третий день. Много скорбел он и тужил, что не удостоился получить от Богоматери последнее благословение и не сподобился видеть Божественной славы и дивных Божиих чудес и явлений при успении Ее и перенесении Ее тела. Сильно он об том плакал. Апостолы, сожалея о нем, посоветовали ему открыть гроб, чтобы он по крайней мере мог видеть пречистое тело Богородицы, поклониться ему и,

облобызав его своими устами, принять утешение в горе и печали.

Когда же они отвалили камень и открыли гроб, то ужаснулись: гроб был пуст, в нем не было тела Богоматери, лежали только покрывавшие его пелены, от которых исходило благоухание. В недоумении стояли св. апостолы и, со слезами целуя оставшуюся во гробе плащаницу, молились Господу, чтобы Он открыл им судьбу пречистого тела.

К вечеру они сели, чтобы укрепить себя пищей. Обычай апостольской трапезы был таков: они оставляли между собой пустое место и на нем возглавие, а на возглавие полагали кусок хлеба в часть и честь Христову. После трапезы, встав и творя благодарение, они брали этот кусок хлеба, называемый «нареченной Господней частью», и подымали его, прославляя великое имя Пресвятой Троицы; кончали этот обряд они молитвой: «Господи Иисусе Христе, помогай нам!» и затем вкушали этот хлеб, как дар благословенный. Так св. апостолы делали не только тогда, когда бывали вместе, но и тогда, когда случалось каждому из них быть в одиночестве.

В этот вечер, собравшись в Гефсимании для общей трапезы, они ни о чем другом не думали и не беседовали, как об исчезновении положенного во гроб тела Богоматери. Когда по окончании трапезы они встали и начали по обычаю подымать часть хлеба, отложенную в честь Господа, и славить Пресв. Троицу, внезапно услышали сверху голоса ангельского пения. Устремив вверх глаза свои, они увидали на воздухе Пречистую Деву, Матерь Бога нашего, живую, окруженную множеством ангелов, сияющей неизреченной славой. И сказала Она им: «Радуйтесь! Я с вами во все дни!» Они же, полные радости, воскликнули вместо: «Господи Иисусе Христе, помогай нам!» — «Пресвятая Богородице, помогай нам!»

После этого чудного явления св. апостолы уверились сами и уверили в том св. церковь, что почившая Матерь Божия Сыном и Богом Своим в третий день была воскрешена и вознесена с телом на небо.

Пошли они тогда ко гробу и взяли оставленную там плащаницу в утешение скорбящим и в непреложное свидетельство востания Богоматери от гроба.

И мог ли быть одержим смертью самый Кивот Жизни, могла ли быть с прочею тварью оставлена в земном истлении Та, Которая родила Творца всей твари, не ведая греха?

Господь Иисус Христос, исполняя закон, данный Им, чтобы

дети чтили родителей своих, Сам почтил Пренепорочную Матерь Свою и, как Сам Он в третий день преславно воскрес и потом вознесся на небо с пречистой плотию, так и Матерь Свою воскресил в третий день и вознес к Себе в небеса. Об этом пророчествовал еще вдохновенный Давид, говоря: «Воскресни, Господи, Ты и Кивот Святыни Твоя!..»

После всех этих событий св. апостолы, свидетели дивных чудес и таин Божиих, снова, носимые облаками, возвратились каждый в свою страну, где проповедывали.

Пещера, где была погребена Пресвятая Дева, так же, как и вертеп Рождества и Гроб Господень, издавна являются предметом почитания христиан. Из Иерусалима к ним идут через «ворота овчия», называемые у арабов в честь Пресвятой Девы воротами «Св. Марии».

Перейдя по мосту поток Кедронский, вы вступаете на площадку перед погребальной пещерой Богоматери, которая находится в углублении. К нему спускаются по 12 ступеням. От самого входа крутой спуск в 48 мраморных ступеней ведет внутрь пещеры. Рассеянные лучи дневного света пробиваются туда, смешиваясь со светом лампад. На глубине 15 сажен, в углублении направо показывают гробницу родителей Пресвятой Девы, Иоакима и Анны, напротив — гробницу Иосифа Обручника.

Когда богомолец спускается вниз, он видит по всему своду обширной галереи гирлянды блистающих серебряных и золотых лампад. В отдельной каменной пещере находится тот камень, на который возложено было тело Пренепорочной Девы. Внутренность пещеры ничем не украшена, только природный камень покрыт шелковыми тканями.

Приходят сюда на богомолье и магометане, особенно же магометанки. И вот одно из бесчисленных подтверждений пророческих слов Приснодевы: «Ублажат Мя вси роди».

Ложь Богоматери служит престолом, где совершается литургия.

В 1888 году близ пещеры Богоматери освящена прекрасная церковь во имя равноапостольной Марии Магдалины. Церковь эта сооружена иждивением русской царственной семьи в память благочестивой императрицы Марии Александровны, которая, горя особым благоговением к Богоматери, всю жизнь мечтала поклониться Ее гробу.

Глава 8. Почитание Богоматери

Мы видели уже, что усердное почитание Богоматери верующими началось еще при жизни Ее. Вселенские соборы утвердили это почитание и усвоили Пресвятой Деве название «Богородицы».

Игнатий Богоносец, современник Христа (по преданию, тот младенец, которого Господь взял на Свои руки при произнесении слов: «если не обратитесь и не будете, как дети»), мученик Иустин Философ, Ириней, епископ Лионский, Дионисий Александрийский, — отцы II-го и III-го веков, Афанасий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Василий Великий, Ефрем Сирий — IV век, — все они в пламенных выражениях свидетельствовали достоинство Богоматери. В V веке Кирилл, патриарх Александрийский, восставал против ереси Нестория, который отрицал, что Деву Марию должно называть Богородицей. Третий Вселенский собор осудил ересь Нестория и утвердил почитание Богоматери. То же было сделано на IV, V, VI и VII Вселенских соборах.

Феодот, епископ Анкирский, произнес слово, в котором ясно вылилось церковное учение о Богоматери: «Кто не признает Марию Богородицею, тот отчужден от Бога».

Скажем несколько слов об установлении праздников Богоматери. Празднование «Зачатия Богородицы», 9 декабря, началось не позже VII века, так как Андрей, епископ Критский, скончавшийся в 722 г., уже написал канон на этот праздник. Установление праздника Рождества Богородицы восходит к V и даже IV веку, так как уже тогда в честь этого праздника строили храмы. Есть предание, что день рождения Богородицы открыт был одному подвижнику, раньше же его не знали точно. Относительно Введения во храм известно, что в V или VI веке в Иерусалиме был храм в честь этого праздника, стоявший на месте притвора Соломонова, где некогда провела отрочество Свое Приснодева. Праздник Благовещения установлен был уже в IV в., так как о нем упоминают Афанасий Александрийский и Иоанн Златоуст. Есть свидетельство, что впервые он был установлен еще апостолами.

Точно так же, по преданию, апостолы установили праздник Успения Богоматери. С давних времен этому празднику предшествует пост. В Иерусалиме у гробницы Приснодевы, на Афоне в русских монастырях, в Гефсиманском скиту, что у Троице-Сергиевской Лавры, празднование Успения отличается особою торжественностью, и за утреней совершается точно такое же пение над плащаницей Богоматери, как и над

плащаницей Спасителя в Великую Субботу.

Три последние праздника принадлежат к числу двенадесятих.

26-го декабря совершается праздник, называемый: «Собор Пресв. Богородицы», т. е. общее собрание верных для прославления Богоматери. Этот праздник возник вследствие древнего церковного обычая — на другой день великих праздников воспоминать тех лиц, которые главным образом послужили воспоминаемым в них событиям. (Так, 8-го января воспоминается Иоанн Предтеча, 8-го апреля архангел Гавриил.)

2-го июля совершается воспоминание «Положения честной ризы Богоматери». В Константинополе в половине V века император Лев Македонянин воздвиг особый храм, где положил ризу Богоматери. Впоследствии в Киеве, Суздале и Москве были храмы, посвященные памяти этого события.

31-го августа совершается празднование «Положения честного пояса Богоматери» в память того, что императрица Зоя, супруга императора Льва Мудрого, была исцелена этой святыней.

Невозможно выразить словами то великое усердие, которым пламенеют к Приснодеве сердца искренно верующих людей. Неимоверные страдания, которые Пречистая Дева претерпела на земле для дела воплощения и как Мать гонимого Иисуса; безбрежная Ее вера и твердость в самых невыразимых, неимоверных испытаниях, больше же всего Ее великое милосердие, Ее забота и скорость в помощи бедствующим — все это навсегда усвоило Ей любовь и почитание сердец христианских.

«Никто же притекаяй к Тебе посрамлен от Тебе исходит, Пречистая Богородице Дево, но просит благодать и приемлет дарование к пользе прошения», — эта молитва, которую на Афоне поют ежедневно в конце вечерни, в кратких словах выражает крепкую, необоримую, незагасимую веру человечества в защиту Богоматери.

Мы не будем приводить вдохновенных песней и слов великих святителей и учителей вселенских о достоинстве Девы Марии. Переходя от рассказа о земной жизни Ее к повести о делах небесного Ее милосердия, приведем «слово» нашего родного писателя и святого, дивного святителя Димитрия Ростовского, который в таких бессмертных выражениях говорит о Богоматери: «Если бы кто меня спросил: что в поднебесной сильнее и крепче всего? — я бы ответил: нет ничего более крепкого и сильного на земле и на небе после Господа нашего

Иисуса Христа, как Пречистая Владычица наша Богородица, Приснодева Мария. Сильна Она на земле: ибо Она стерла главу невидимого змия и поразила адскую силу, Ею воздвигаются победы, Ею ниспадают враги. Сильна Она и на небе: ибо Бога сильного и крепкого молитвами Своими связывает».

Глава 9. Следы Богоматери на Земле

Чем дальше шло время от блаженного Успения Богоматери, тем больше распространялись по земле иконы Пречистой и храмы в честь Ее. Основав Константинополь, император Константин поручил его покрову Богоматери и посвятил в новой столице Ей три храма. За императором и императрицей и знать стала воздвигать храмы, мужские и женские монастыри во славу Богоматери. Сами имена этих храмов отразили напряженную любовь молодого христианского общества к Матери Божией: Богородица, Благословенная, Благотворительница, Всеблаженная, Пренепорочная, Всецарица, Милостивая, Скорбящих Радость.

Особым усердием к славе Богоматери отличалась дочь императора Аркадия св. Пульхерия, сперва разделявшая престол с братом своим Феодором, а потом с супругом своим Маркианом. Она воздвигла три великолепных храма в честь Богоматери, из которых особенно известен храм Одигитрии («Путеводительницы», — назван так в память чуда исцеления этой иконой двух слепцов), и Влахернский. Для последнего храма императрица и ее супруг не щадили средств, и благодаря этому он вышел необыкновенно прекрасен.

В храме Халкопратайском императрица положила пояс Богоматери, принесенный при ее отце из Палестины в Константинополь. В храме Одигитрии поставлен образ Богоматери, писанный евангелистом Лукой, а во Влахернском положены погребальные пелены Богородицы, присланные из Иерусалима.

В IX в. греческая императрица Зоя, супруга императора Льва Мудрого, в болезни видела сон, что выздоровеет при возложении на нее пояса Богоматери; это исполнили на деле, и исцеление совершилось.

В настоящее время значительная часть этого пояса находится в Ватопедском монастыре на Афоне, другая в Трирском монастыре у Рейна, третья — в Грузии, в Зугдидском монастыре.

Император Лев Македонянин украсил столицу новыми

храмами в честь Богоматери. Первый из них был сооружен для положения ризы Пречистой Девы, принесенной двумя братьями патрициями. Эти два мужа, странствуя по святым местам Палестины, увидели у одной старой благочестивой девицы еврейки в Галилее ковчег с ризой Богоматери. Святыня эта привлекала к себе многих христиан, которые в болезнях получали от нее исцеления. Хитростью братья овладели этим сокровищем, именно, они сделали точное подобие этого ковчега и тайно, взяв настоящий ковчег, поставили на его место новый. Привезя ризу Богоматери в Константинополь, они сперва хранили ее у себя дома, а затем для нее был воздвигнут во Влахерне храм.

Части ризы Богоматери хранятся в Московском Успенском соборе, в Петропавловском приделе (эта часть принесена в Россию князем Василием Васильевичем Голицыным), в Благовещенском кремлевском соборе (дар архиепископа Суздальского Дионисия, XIV в.), в Никитском монастыре, московском женском монастыре и в Риме, в кафедральном папском соборе, у Латеранского дворца.

Трогательное предание связано с построением императором Львом другого храма в честь Богоматери.

В окрестностях столицы было прекрасное место, где стояла роща платанов и кипарисов и бил из земли источник прохладной, чистой воды. Впоследствии этот источник засорился и иссяк.

Когда Лев был еще частным человеком, он однажды, прогуливаясь в этом месте, встретил слепорожденного. Будучи добрым, сердобольным человеком, Лев подал слепцу руку и повел его. Солнце палило томительным жаром, и слепцу сильно хотелось пить. Лев посадил слепца в тени и, обойдя всю рощу, отыскивал воды, но тщетно.

Когда он вернулся, наконец, к слепцу, раздался с неба дивный голос: «Не грусти, Лев, вода подле тебя!»

Но тут сам Лев стал вроде слепого: осматриваясь кругом, он не мог найти воды. Снова раздался тот же голос, теперь называвший его уже «императором»: «Император Лев! Войди в ту густую, тенистую рощу, почерпни воды, напои слепого и илом помажь ему глаза. Скоро ты узнаешь, Кто Я, здесь живущая.

Поставь Мне здесь храм, — в нем буду Я внимать молитвам и подавать всем, кто с усердием и верой сюда придет, все нужное, только бы просили люди Меня с благоговением, и

ничто не устоит против Моей власти, — ни демоны, ни неисцелимые болезни».

Действительно, когда Лев принес слепому ил и воду и помазал ему глаза, слепорожденный прозрел.

Вступив на престол, Лев воздвиг над этим источником великолепный храм, дивно отделанный. Своды храма были украшены золотом, а стены — мрамором, и свет дня, отражаясь от сводов и стен, блистал вроде молнии.

В середине храма находился источник, к нему спускалось 25 ступеней; ширина источника была до 6 стоп, и в середине его окружал мраморный водоем, из которого удобно было черпать воду. В верхней части источника было мраморное круглое углубление, куда втекала влага, а затем через скважину изливалась в бассейн. Наверху, среди храма, стояла круглая, каменная чаша, а кроме того, продолговатый водоем, из которого у алтаря черпали воду для народа.

Храм назывался «Живоносный Источник», и в нем совершались бесчисленные исцеления.

Празднование «Живоносного Источника» установлено в пятницу Светлой Недели.

У «Живоносного Источника» 100 лет спустя после первого чуда получил исцеление от жестокой каменной болезни император Юстиниан по гласу Богоматери в ночном видении. Благодарный Юстиниан воздвиг новый, еще более роскошный храм с обителью для иноков; когда же он был разрушен землетрясением, император Василий Македонянин обновил его.

При взятии Константинополя турками храм был разрушен до основания, но источник продолжал привлекать к себе народ, даже турок, своей целебной силой.

В 1830 г. восстановлена из развалин древняя церковь, причем найдены прежние основания храма, но столь обширные, что они не могли послужить для устройства нового.

Когда копали землю для нового храма, нашли гробы двух людей, получивших великую милость Богоматери. Один из них, Феттал, отчаянно больной, велел нести себя к источнику и на пути, почувствовав приближение смерти, завещал брызнуть на него из источника водой. И, действительно, когда на мертвеца брызнули водой «Живоносного Источника», он воскрес и затем остался до конца своих дней иноком при храме. В другом гробу

погребена была жена придворного сановника Елена, которая во время землетрясения взяла себе из храма две иконы, а потом по тайному гласу была принуждена возвратить церковное достояние.

Неисчислимы, как звезды небесные, как песок морской, чудесные явления Богоматери людям. Возьмем некоторые наиболее поразительные явления из жизни святых.

Когда Григорий Неокесарийский (240 г.) перед принятием епископства занимался изучением догматов веры и молился Богу и Богоматери о помощи, к нему явилась Приснодева с ап. Иоанном и поручила апостолу научить догматам Григория. Символ веры, полученный таким образом Григорием, был им передан Неокесарийской церкви.

Клирик Влахернской церкви, родом сириец, преподобный Роман (V-го века), много терпел насмешек и презрения от товарищей за то, что он, состоя при столь знаменитом храме, не умел петь и читать. Накануне Рождества Христова, после жестоких насмешек, Роман упал в горячих слезах перед иконой Богоматери и этими слезами как бы насытился вместо хлеба. В таком положении он заснул. Ночью явилась ему Богоматерь, дала свиток и послала ему дар вдохновенных песней. В день Рождества Роман взошел на амвон и спел знаменитый и бессмертный кондак Рождеству Христову: «Дева днесь Пресущественного рождает». Патриарх посвятил его во диакона, а впоследствии Роман обессмертил себя написанием множества кондаков.

Преподобная Мария Египетская, когда еще была великой грешницей, пыталась войти в Иерусалиме в церковь, но всякий раз таинственная сила отбрасывала ее. Она помолилась перед иконой Богоматери в притворе храма, обещая раскаяться, и затем свободно вошла в храм. Когда она снова стала молиться перед иконой Богоматери, она услышала от иконы голос: «За Иорданом найдешь себе покой». Придя в указанное место, она, действительно, нашла себе спасение и возвысилась до равноангельской чистоты.

Св. Григорий, папа Римский (отец VI в.), передает трогательный рассказ о малой отроковице Музе.

Однажды ночью явилась ей в видении Пресв. Богородица, сопровождаемая такими же, как Муза, маленькими девочками в белых одеждах; и Муза почувствовала желание присоединиться к ним. Богоматерь спросила ее:

— Желаешь ли ты быть с ними и вместе служить Мне?

— Желаю, — отвечала Муза.

Тогда Богоматерь посоветовала ей воздерживаться от смеха и игр, не делать ничего легкомысленного, так как она через 30 дней будет взята на служение Ей.

Проснувшись, Муза совершенно изменилась: бросила, к удивлению родителей, детские шалости, рассказала им о явлении Богоматери и через 25 дней заболела, а в 30-й день, перед концом своим, увидала шедшую к ней Богоматерь, окруженную теми же детьми в белых ризах. На зов Богоматери она, потупившись, тихо произнесла: «Иду, Госпожа моя, иду», и детская, непорочная душа ее вышла из тела (память отроковицы Музы 16 мая).

Иоанн Дамаскин, первый министр калифа багдадского, ревностный защитник иконопочитания, был искусно оклеветан греческим императором Львом Исав-рянином пред своим государем. Калиф, не разобрав дела, велел отсечь у Иоанна руку, которая будто бы писала Льву изменнические письма, и рука была вывешена на торжище. Вечером, по ходатайству друзей Иоанновых, рука была возвращена страдальцу.

Ночью, затворившись в своей молитвенной келье и приложив мертвую кисть руки к ее месту, Иоанн на коленях перед иконой Богоматери громко зарыдал и всей силой своей великой веры просил у Богоматери исцелить его руку для прославления православия и победы иконопочитания. В этой молитве Иоанн задремал и увидел Богоматерь, милостиво на него взирающую. «Твоя рука здорова, — сказала Она, — более не скорби». Иоанн, проснувшись, сперва не верил себе, но рука была совершенно цела, только в месте прежнего отсечения оставалась красная нить.

Восторг Иоанна выразился тут же в спетой им знаменитой песни: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь».

Устроив из серебра кисть руки, он приложил ее к иконе, перед которой молился, почему икона и получила название «Троеручицы».

Впоследствии, покинув двор, Иоанн сделался монахом. На него наложено было старцем, его руководителем, послушание, в силу которого он должен был заградить свои уста, воспевавшие духовные песни. Просьба одного инока написать погребальную песнь на усопших заставила его преступить это послушание, за что старец вознегодовал на него. Но Богоматерь, явившись старцу, велела ему разрешить молчание Иоанну.

По кончине прп. Иосифа Песнопевца одному из друзей его было видение, что из свода небесного выходят лики святых и Дева невыразимой красоты приказывает им принять душу Иосифа.

В X-м веке было трогательное явление Богоматери, воспоминаемое церковью в одном из наиболее чтимых русскими праздников, в празднике Покрова Богоматери.

Однажды во Влахернский храм на всенощное бдение пришел блаженный Андрей. В 4 часу ночи увидал он величественную Жену, идущую от царских врат с сонмом святых; Иоанн Предтеча и Иоанн Богослов поддерживали Ее под руки, а святые в белых одеждах частью шли впереди, частью за Ней, воспевая духовные гимны. Андрей спросил ученика Епифания:

— Видишь ли Госпожу и Царицу мира?

— Вижу, — отвечал тот.

И вот Богоматерь, стоя в воздухе, преклонила колени Свои и долго молилась, орошая лицо Свое пречистое слезами. Затем Она пошла к Престолу и стала здесь молиться. Окончив молитву, Она сняла с Себя бывшее на главе Ее блистающее покрывало и, с торжеством держа его пречистыми Своими руками, осенила им весь молившийся народ. Божия слава осеняла лицо Богоматери и весь величественный образ Ее. Таково было видение Андрея и его ученика.

Этот же знаменитый святой был восхищен в рай, где ангел показывал ему обители разных святых. Когда он спросил у ангела, почему не видит он в раю Богоматери, ангел сказал: «Ты хочешь видеть Пресвятую Царицу небесных сил. Ее здесь нет, Она отошла в многоскорбный мир помогать людям и утешать скорбящих».

Царьград неоднократно испытал на себе избавление от врагов силой Богоматери. Также и Афон, получивший имя «земного жребия Богоматери», видел немало примеров чудесной охраны и помощи Пречистой Девы. В Хилендарском монастыре хранилась та икона Троеручицы, от которой получил исцеление Иоанн Дамаскин.

Однажды в этом монастыре случились из-за выбора настоятеля большие разногласия. Они были прекращены непосредственным вмешательством Пресв. Девы. Трижды поутру в запертой и запечатанной церкви икона Троеручицы была находима на настоятельском месте. Иноки поняли, что

Богоматерь желает Сама считаться Настоятельницей обители, и доньше в этом монастыре нет настоятеля, а избирается только «наместник».

Незабвенно участие, которое приняла в житейских нуждах иноков афонских Богоматерь при Афанасии, строителе Лавры.

В Лавре был голод, и часть братии разошлась. Афанасий остался один и, наконец, в отчаянии решился идти в другое место. Он отправился по дороге в Карею и после двух часов пути собирался присесть для отдыха, как вдруг встретил Женщину под голубым покрывалом. Он смутился, так как на Афоне вход женщинам запрещен.

— Куда идешь ты, старец? — спросила Жена. Несмотря на скромность одежды, тихий взор и кроткий голос, какое-то необыкновенное величие отличало встретившуюся.

— Кто Ты и как зашла сюда? — спросил Ее старец.

— Зачем тебе знать, куда Я иду?

— Я — здешний инок.

— Если ты инок, то ты должен быть доверчивее и обходительнее прочих людей. Я знаю твою горе и могу тебе помочь, но раньше желаю знать: куда ты идешь?

Афанасий доверил тогда Ей свою скорбь.

— И этого ты не вынес? — возразила встретившаяся ему Жена.
— Из-за куска хлеба ты бросаешь обитель, слава которой не умрет до конца веков. Где твоя вера? Вернись, Я тебе помогу, тебя ждет избавление во всем, только не оставляй своего уединения.

— Кто же Ты? — спросил Афанасий.

— Та, Которой ты посвящаешь свою обитель и вверил свое спасение. Я — Матерь Господа Твоего.

Прп. Афанасий, с сомнением смотря на Нее, сказал:

— Боюсь поверить — враг спасения преобразуется в ангела светлого. Чем убедишь Ты меня?

— Видишь тот камень, — ответила Жена, — ударь по нему твоим жезлом, и узнаешь, Кто с тобой говорит. Отныне Я навсегда остаюсь Домостроительницей твоей Лавры.

Афанасий ударил жезлом по камню, и внезапно из образовавшейся трещины потек источник воды и по скату холма побежал к морю. Афанасий обернулся, чтобы пасть дивной Жене в ноги, но Она скрылась. Источник и поныне струится в диком лесу...

Одной из наиболее чтимых икон Богоматери на Афоне является икона «Достойно есть».

Между иноческими хижинами недалеко от Кареи стояла келья с маленьким храмом Успения Богоматери. В ней жил старец с послушником. Однажды старец пошел в Карейский храм, а ученик остался петь всенощную дома. Перед ночью слышался в келье стук, и вошел благолепный инок. Пришедший вместе с послушником стали совершать песнопения.

Послушник пел, по обычаю, древнее величание Богоматери, сложенное св. Косьмой Маюмским: «Честнейшую херувим», а гость его подпевал иное начало, а именно: «Достойно есть, яко воистину блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего», и уже к этим, неизвестным дотоле, словам припевал: «Честнейшую херувим». Умиленный и словами, и звуками чисто ангельского голоса, послушник стал просить незнакомого ему инока, чтобы он написал ему начало заветной песни. Тот согласился, но пергамента и чернил не оказалось. Пришелец просил принести, по крайней мере, каменную плиту. Плита была принесена. Он четко и ясно написал на плите пропетые им слова. Подавая плиту иноку, он сказал: «Отныне всегда так пойте и вы, и все православные христиане». Затем он тотчас стал невидим. Об этом было передано монастырским старцам, и с тех пор ангельская песнь: «Достойно есть, яко воистину» вошла в церковный обиход и ежедневно воссылается в дар Пречистой Матери Божией в то небо, откуда была на землю принесена.